

На правах рукописи

КАРПОВА ЛЮДМИЛА ЛЕОНИДОВНА

**ДИАЛЕКТЫ СЕВЕРНОГО НАРЕЧИЯ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА:
ФОРМИРОВАНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ**

Специальность 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(финно-угорские и самодийские языки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Ижевск 2018

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки «Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук»

Официальные оппоненты: **Мызников Сергей Алексеевич**
доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
ФГБУН «Институт лингвистических исследований Российской академии наук», словарный
отдел, заведующий (г. Санкт-Петербург)

Ракин Анатолий Николаевич
доктор филологических наук,
ФГБУН «Институт языка, литературы
и истории Коми научного центра УрО РАН»,
отдел языка, литературы и фольклора,
главный научный сотрудник (г. Сыктывкар)

Абукаева Любовь Алексеевна
доктор филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Марийский государственный
университет», кафедра марийского языка
и литературы, профессор (г. Йошкар-Ола)

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева» (г. Саранск)

Защита состоится «06» июня 2018 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.275.06 на базе ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 1, ауд. 003.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет». Автореферат размещен на официальном сайте Минобрнауки РФ <http://vak.ed.gov.ru> и на официальном сайте ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» <http://udsu.ru>.

Автореферат разослан «__» _____ 2018 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
к. филол. н., доцент

О. Б. Стрелкова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Диалекты относятся к древнейшим формам существования языка. Для наиболее полного представления о функционировании языка необходимо располагать сведениями о его бытовании на разных территориях проживания носителей, поскольку диалектная система любого уровня обладает спецификой, зависящей от исторических, социально-демографических, географических, психологических и иных факторов. Исследование истории и современного состояния диалектов не утратило своей актуальности, поскольку дает возможность наблюдать изменения в естественной, саморазвивающейся системе языка, помогает воссоздать языковую картину мира их носителей, а также в определенной степени прогнозировать тенденции развития языка в будущем. Фиксация и изучение диалектов исключительно важно, поскольку с каждым новым десятилетием происходят существенные изменения в языковой ситуации, связанные с трансформацией социокультурной и информационной среды говоров.

В наши дни диалекты стремительно утрачивают многие архаические черты, что приводит к определенной нивелировке самих диалектов. Наряду с этим возникают новые вариантные формы диалектного языка, изменяются звенья диалектной системы в связи с явлениями экстралингвистического характера, в частности, с миграционными процессами, смешением населения при исчезновении деревень и т. д. Изучение живых процессов диалектной речи, исследование самого механизма изменения диалектной системы на разных ее уровнях становится одной из актуальных задач современной диалектологии как лингвистической науки, удмуртской диалектологии в том числе.

Диалектологические изыскания последнего времени приобрели полипарадигмальную направленность, что обусловлено разнообразием подходов к изучению диалектного языка. В исследовании диалектов активно развиваются новые направления: коммуникативное (В. Е. Гольдин, О. Ю. Крючкова, Т. А. Демешкина, О. Б. Сиротинина, Г. В. Калиткина и др.), когнитивное и лингвокультурологическое (Н. И. Толстой, С. М. Толстая, С. Е. Никитина, А. С. Герд, Е. Л. Березович и др.), социолингвистическое (P. Wegener, P. Trudgill, U. Ammon, В. М. Жирмунский, В. Д. Бондалетов, В. М. Алпатов, Л. П. Крысин, Т. С. Коготкова и др.). Вместе с тем сохраняет актуальность структурный подход к изучению диалектного материала, направленный на строгое описание диалектных систем в синхронической и диахронической перспективе (U. Wienreich,

Р. И. Макдэвид, Р. И. Аванесов, Ф. П. Филин, Л. И. Баранникова, В. Г. Орлова, С. В. Бромлей, Л. Л. Касаткин, Л. Э. Калнынь и др.).

В удмуртской диалектологии, несмотря на достигнутые бесспорные успехи в изучении диалектов и наличие значительного количества публикаций, большинство диалектов обстоятельно не исследовано. К таким относится северноудмуртский языковой ареал, диалектный континуум которого описан фрагментарно. Диалекты северного наречия не изучены в полном объеме, не выработано целостное представление об их формировании, подтвержденное научными свидетельствами, отсутствует комплексное описание фонетической системы и морфологического строя значительной части говоров ареала.

На протяжении последних двух веков северные диалекты подвергаются активной ассимиляции русским языком, ведущей к сужению их функционирования. Доминирование русского языка наблюдается практически во всех сферах. Носителями языка в основном являются люди среднего и пожилого возраста (от 30 лет и старше), молодежь и особенно школьники уже слабо владеют родным языком. Вышесказанное актуализирует необходимость макротерриториального исследования северноудмуртских диалектов и требует комплексного и многоаспектного анализа языковой специфики каждого отдельно взятого диалекта северного наречия. Поскольку фонетический и морфологический ярусы являются фундаментальными для языковой системы и обеспечивают относительную стабильность ее существования, назрела необходимость исследования фонетики и морфологии северноудмуртских диалектов, занимающих большой ареал удмуртского диалектного пространства.

Территориальные рамки анализируемого материала диссертационного исследования включают северноудмуртский диалектный ареал, охватывающий 8 северных районов Удмуртской Республики и 5 сопредельных районов Кировской области. Северноудмуртские диалекты (верхнечепецкий, среднечепецкий, нижнечепецкий¹) занимают бассейн р. Чепцы – левого притока р. Вятки, правого притока р. Камы.

Верхнечепецкий диалект распространен в верхнем течении р. Чепцы с ее притоками Лоза, Ита, Лып, Пызеп. В административном отношении он охватывает Кезский, Дебёсский р-ны, также северо-восточную часть Игринского р-на Удмуртской Республики. По ряду языковых особенностей в пределах верхнечепецкого диалекта выделяются 3 говора: кез-

¹ Названия диалектов «верхнечепецкий», «среднечепецкий», «нижнечепецкий» даны по месту территориального распространения указанных диалектов по течению р. Чепцы.

ский, дебёсский и зуринский. Кезский говор включает в себя говор удмуртов, проживающих в населенных пунктах Кезского р-на. Дебёсский говор распространен на территории Дебёсского р-на. Данный говор, в свою очередь, распадается на 2 подговора: собственно дебёсский (северная и центральная часть Дебёсского р-на) и тыловайский (южная часть Дебёсского р-на). Зуринский говор включает в себя говор удмуртов северо-восточной части Игринского р-на и охватывает населенные пункты Лозюльского, Зуринского, Кабачигуртского, Сундурского и Сепского муниципальных образований.

Среднечепецкий диалект расположен в среднем течении р. Чепцы с ее притоками Сепыч, Пызеп, Убыть, Лекма и распространен в Ярском, Глазовском, Юкаменском, частично Красногорском и Балезинском районах Удмуртской Республики. По ряду различительных признаков в нем выделяются 4 говора: ярский, глазовский, юкаменский и балезинский. Ярский говор охватывает населенные пункты, входящие в Ярский р-н. Юкаменский говор распространен на территории Юкаменского р-на. Глазовский говор охватывает говор удмуртов, проживающих в населенных пунктах Глазовского р-на (за исключением населенных пунктов Куреговского муниципального образования), также Дебинского, Агрикольского, Архангельского, Прохоровского муниципальных образований Красногорского р-на, Пыбьинского, Юндинского, Воегуртского (дд. Быдыпи, Шолоково) муниципальных образований Балезинского р-на. По функционированию различных вариантов фонемы *ы* в глазовском говоре выделяются кожильский и понинский подговоры. К балезинскому говору относится говор удмуртов, проживающих в населенных пунктах Балезинского р-на (за исключением северо-западного ареала), также Куреговского муниципального образования Глазовского р-на.

Нижнечепецкий диалект расположен в нижнем течении р. Чепцы вдоль устья ее притока Белая Холуница и в верхнем течении ее притока Коса. Носители указанного диалекта расселены дисперсно в массе русских селений в Слободском, Унинском, Зуевском, Фаленском и Богородском р-нах Кировской области. Нижнечепецкий диалект распадается на два говора: слободской и косинский. Носители слободского говора в настоящее время живут в 12 населенных пунктах Слободского р-на. Косинская группа удмуртов относительно компактно проживает в 10 населенных пунктах Зуевского, Унинского, Фаленского, Богородского р-нов. По последним данным, на территории распространения нижнечепецкого диалекта насчитывается примерно 800 удмуртов (исключая группу удмуртов-калмезов), из которых меньше половины владеет удмуртским языком.

Объектом настоящего диссертационного исследования являются современные диалекты северного наречия удмуртского языка, рассматриваемые как самостоятельная группа и обладающие определенной исторической и структурной близостью.

В качестве **предмета** исследования выступают фонетические и морфологические особенности северноудмуртских диалектов в их современном состоянии. В морфологической системе научному анализу нами подвергнуты знаменательные части речи – наиболее репрезентативные лексико-грамматические классы слов, обладающие морфологическими признаками.

Цель диссертационного исследования заключается в создании целостной картины языкового своеобразия северноудмуртского диалектного ареала посредством комплексного описания фонетической системы и морфологического строя диалектов с выявлением специфики каждого из обследованных территориально-языковых образований по отношению друг к другу и к остальным локальным единицам удмуртского диалектного языка.

Для реализации поставленной цели решаются следующие **задачи**:

- 1) провести структурно-системное описание современного состояния фонетической системы и морфологического строя северноудмуртских диалектов в сравнительном аспекте;
- 2) уточнить классификационные признаки северных диалектов, выявить их интегральные и дифференциальные черты по отношению друг к другу;
- 3) сопоставить исследуемые диалекты в аспекте сохранения / нивелирования диалектных различий;
- 4) проследить тенденции в территориальном распространении фонетических и морфологических явлений в диалектах северноудмуртского континуума;
- 5) выявить сходные и отличительные признаки исследуемых диалектов в сопоставлении с другими территориальными диалектами удмуртского языка, привлекая также данные по родственным коми-зырянскому и коми-пермяцкому и некоторым другим финно-угорским языкам;
- 6) уточнить дальнейшее членение северных диалектов, выявить границы их распространения, установить их внутренние связи и соотношения.

Методология и научные методы исследования определены спецификой анализируемого материала и кругом поставленных в работе задач.

К изучению системы диалектного языка современные лингвисты подходят с различных позиций в зависимости от целей и задач исследования. По объему анализируемого диалектного материала за основу могут быть взяты следующие способы: 1) дифференцированный подход, когда описываются лишь диалектные отличительные элементы, и недифференцированный, когда выявляются все компоненты диалектной системы независимо от их отношения к диалектным различиям; 2) надуровневый, когда описываются языковые единицы нескольких языковых ярусов (фонетического, морфологического, синтаксического и лексического), и уровень, когда анализируются единицы лишь одного какого-либо яруса; 3) общедиалектный, когда описывается языковая система или ее отдельные уровни всех говоров языка, и региональный, когда подвергается анализу языковая система или отдельные ее звенья какого-либо определенного ареала¹. В настоящем исследовании мы придерживаемся комплексного, недифференцированного подхода к анализу регионального диалектного материала. Языковые единицы описываются системно, с учетом их функционирования в речи.

В основу исследования положен синхронно-системный подход, подразумевающий использование описательного метода, который позволяет осуществить последовательный анализ эмпирического материала и его систематизацию. Синхронное описание материала предполагает включение приемов наблюдения, обобщения, интерпретации языковых явлений диалектного характера. Привлечение лингвистических фактов из различных удмуртских диалектов, родственных финно-угорских и других языков позволило использовать сравнительно-сопоставительный метод. В процессе работы при исследовании вопросов диахронического характера привлекался метод внутренней реконструкции с элементами этимологического анализа. Кроме того, в качестве вспомогательного применялись методы количественного анализа. При описании языковых фактов северноудмуртских диалектов учитывался также социолингвистический фактор (возрастная стратификация

¹ См. например: Герд А. С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия / А. С. Герд. – СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. – С. 5; Долгушев В. Г. Лексика вятских говоров в ареальном и ономастическом аспектах: дис. ... д. филол. наук / В. Г. Долгушев. – М., 2006 // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.sinp.com.ua/work/10000575/Leksika-vyatskix-govorov-v> (дата обращения: 07.12.2017). – С. 2; Малеева Е. С. Проблемы изучения лексики материальной культуры в говорах Волгоградской области / Е. С. Малеева // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2011. – Вып. 8. – С. 64–65.

носителей языка). Во время полевых исследований был использован метод включенного наблюдения, позволяющий проследить естественную спонтанную речь диалектоносителей изнутри.

Сбор фактического материала осуществлялся с использованием различных приемов полевого метода: опрос по вопроснику; запись на магнитные и цифровые носители бесед, бытовых разговоров, рассказов-воспоминаний личностного характера, сведений и сказов фольклорно-этнографического содержания; интервьюирование; проверка языковых материалов. Полевой способ традиционно считается одним из более надежных в диалектологической практике. Опрос по специальной программе-вопроснику позволяет собрать значительный материал, дающий основу для определенных обобщений, и предоставляет возможность классифицировать факты, явления, важные для исследования. При интервьюировании мы использовали метод индивидуального опроса, при котором каждый вопрос зачитывался вслух (опрос записывался на диктофон). При этом мы имели возможность определить, как информант произносит ту или иную лексику и сравнить свои наблюдения с оценкой информанта. Все эти методы привлекались в ходе экспедиционного способа сбора материала.

Теоретической и методологической базой данного исследования послужили труды отечественных лингвистов по проблеме диалектного языка, в частности, работы Р. И. Аванесова, Л. И. Баранниковой, О. И. Блиновой, С. В. Бромлей, Л. Н. Булатовой, А. С. Герда, О. Г. Гецовой, В. Е. Гольдина, К. Ф. Захаровой, Л. Э. Калнынь, Л. Л. Касаткина, Т. С. Коготковой, В. В. Колесова, С. А. Мызникова, В. Г. Орловой, И. А. Оссовецкого, Н. Н. Пшеничновой и др.

При освещении предметных проблем исследования мы исходили из основных положений, представленных в трудах исследователей пермских и финно-угорских языков: В. И. Алатырева, М. Г. Атаманова, Р. Бартенс, Р. М. Баталовой, Д. В. Бубриха, С. К. Бушмакина, В. К. Кельмакова, И. Козмача, Н. В. Кондратьевой, А. Кюннапа, В. М. Лудыковой, В. И. Лыткина, К. Е. Майтинской, Р. Ш. Насибуллина, Г. А. Некрасовой, П. Н. Перевошикова, Б. А. Серебренникова, И. В. Тараканова, Т. И. Тепляшиной, Г. В. Федюновой, Е. А. Цыпанова, Ш. Чуча и др.

Источники и материалы исследования. Базовым источником стали материалы диалектологических экспедиций, осуществленных автором на территории распространения северноудмуртских диалектов за последние 30 лет (1987–2017 гг.). Обследовано было охвачено более 200 населенных пунктов, находящихся в ареале распространения среднечепецкого диалекта, около 40 населенных пунктов, расположенных на

территории распространения верхнечепецкого диалекта, и 17 населенных пунктов нижнечепецкого диалектного ареала. Сбор материала проведен, главным образом, в ходе устного общения с коренными жителями, преимущественно с людьми старшего и среднего возраста. Материалом исследования послужили записи диалектной речи общим объемом 65 часов звучания, сделанные автором в экспедициях. С целью более точного выявления и географического распространения фонетических и морфологических явлений сбор полевого материала осуществлялся по специальному, составленному автором вопроснику «Сравнительное исследование североудмуртских диалектов». В исследовании привлекался архивный материал из фонда Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН, материалы полевых практик студентов Удмуртского государственного университета, данные выпускных квалификационных работ студентов и магистрантов Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики. В качестве дополнительного источника использовались также опубликованные транскрибированные сборники текстов образцов речи и словари по удмуртским диалектам, изданные в России и за рубежом.

Научная новизна. Диссертация является первым опытом фронтального описания диалектов северного наречия в удмуртском диалектном континууме и представляет собой одну из первых работ подобного типа среди исследований по финно-угорским языкам. Североудмуртское наречие рассматривается как самостоятельное лингвистическое пространство, представляющее собой отдельную макросистему со своим фонетическим составом, морфологическим строем и основным словарным фондом.

Впервые осуществлено комплексное исследование современного состояния всех трех диалектов северного наречия: верхнечепецкого, среднечепецкого и нижнечепецкого – с описанием фонетической и морфологической систем в сравнительном аспекте и с учетом факторов, которые формировали их в прошлом, и факторов, вызывающих в них изменения на современном этапе. В работе уточнены классификационные признаки северных диалектов, определены их интегральные и дифференциальные черты по отношению друг к другу, выявлена роль иноэтнического компонента в формировании специфических черт указанных диалектов.

Впервые на примере фонетических, морфологических и некоторых лексических характеристик осуществлено дальнейшее членение северных диалектов на более мелкие структурно-пространственные единицы – говоры и подговоры. Кроме того, описано и проанализировано

территориальное распространение отдельных фонетических и морфологических явлений в исследуемом языковом ареале в сравнении с другими удмуртскими диалектами, также показаны языковые явления северных диалектов, общие с диалектами коми-зырянского и коми-пермяцкого языков.

В диссертации в научный оборот введен ранее неизвестный материал, отражающий результаты полевых исследований автора.

Теоретическая и практическая значимость. С точки зрения осмысления истоков современных процессов, происходящих в северноудмуртском языковом пространстве, материалы и выводы, изложенные в диссертационном исследовании, приобретают как теоретическое, так и прикладное значение. Комплексный анализ впервые вводимого в научный оборот материала по диалектам северного наречия расширяет представление о функционировании удмуртского диалектного языка в конце XX – начале XXI в. Изучение языкового пространства исследуемой территории позволяет оценить диалекты как сохранившуюся до настоящего времени в основных традиционных чертах языковую реальность и создает базу для дальнейшего теоретического осмысления проблемы, связанных с основными закономерностями развития удмуртского диалектного языка в современных условиях. Проведенное структурно-системное описание фонетики и грамматики северноудмуртских диалектов является фрагментом в общем исследовании удмуртских диалектов. Выявленная дифференциация исследуемых диалектов представляет собой определенный вклад в экстенсивное исследование удмуртского диалектного языка. Изучение северноудмуртской диалектной специфики имеет существенное значение для прогнозирования динамики развития удмуртских диалектов и удмуртского национального языка в целом.

Продуктивным может оказаться использование материала диссертации при создании обобщающих и специальных трудов по пермским языкам как в синхронии, так и ретроспекции. Результаты исследования могут быть успешно реализованы при изучении удмуртских диалектов в лингвогеографической и ареальной проекции, составлении диалектологического атласа удмуртского языка. Материалы диссертации могут быть применены в решении отдельных теоретических проблем описательной и исторической диалектологии, исторической фонетики, грамматики и лексикологии, истории литературного языка, в вопросах диалектного членения удмуртского языка, взаимоотношения диалектов и удмуртского литературного языка. Представленные материалы будут использованы при составлении хрестоматий по отдельным северноудмуртским диалектам и говорам. Кроме того, полученные сведения могут быть применены

при разработке основных и специальных курсов, семинаров и учебной литературы по удмуртской диалектологии, а также при создании учебно-методических пособий для студентов. Многие положения диссертации найдут применение в вузовской практике преподавания диалектологии и исторической грамматики.

Апробация результатов исследования. Диссертационное исследование является итогом почти тридцатилетней работы автора над проблемами языковой специфики диалектов северноудмуртского ареала. Основные ее результаты получили известность в отечественной гуманитарной науке на региональном и центральном уровнях и за рубежом. Их апробация осуществлена на 75 международных, всероссийских и региональных научных конференциях и симпозиумах в период с 1987 по 2017 гг. в Ижевске, Сыктывкаре, Перми, Кудымкаре, Йошкар-Оле, Екатеринбурге, Уфе, Хельсинки (Финляндия), Тарту (Эстония), Отэпя (Эстония), Таллинн (Эстония) и др., в том числе на VIII (Ювяскюля, 1995), IX (Тарту, 2000), X (Йошкар-Ола, 2005) Международных конгрессах финно-угроведов.

Основные положения диссертации отражены в 95 публикациях объемом более 120 п. л., в том числе 4 монографиях, одна из которых подготовлена в соавторстве, 17 статьях в ведущих научных журналах, рекомендованных ВАК РФ, и 2 статьях, индексируемых в международной базе данных SCOPUS.

Диссертация обсуждена на заседании отдела филологических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН и рекомендована к защите.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Северноудмуртский диалектный ландшафт складывался в течение длительного времени в результате сложных процессов, обусловленных историей заселения ареала. Научная интерпретация языковых черт, которые сложились в северноудмуртских диалектах в разное время и в силу разных интра- и экстралингвистических факторов, связана с вопросом формирования диалектов.

2. Северноудмуртский ареал представляет собой самостоятельное лингвистическое пространство, обладающее комплексом системно связанных черт, часть которых объединяет северные диалекты между собой, другая же часть отличает их друг от друга. Северные диалекты противопоставлены другим удмуртским диалектам и составляют относительное единство в пределах своего распространения.

3. Сочетание внутренних и внешних факторов развития диалектов северного наречия обусловило формирование общих локальных черт

между некоторыми из них. Из обследованных трех северных диалектов по языковым особенностям наиболее близки между собой среднечепецкий и нижнечепецкий диалекты. Наличие комплекса общих черт в указанных диалектах объясняется, прежде всего, общностью этногенетических и исторических процессов в регионе, также определенным влиянием на эти диалекты языка бесермян.

4. На основании некоторых частных, но достаточно важных различительных черт фонетики и морфологии детализируется внутренняя классификация северных диалектов. В соответствии с этим в верхнечепецком диалекте выделяются 3 говора: кезский, дебёсский и зуринский, причем внутри дебёсского говора вычлняются собственно дебёсский и тыловайский подговоры. Среднечепецкий диалект представлен 4 говорами: ярским, глазовским, юкаменским и балезинским; в глазовском говоре различаются еще 2 подговора: кожильский и понинский. Нижнечепецкий диалект включает в себя 2 говора: слободской и косинский.

5. Языковая специфика верхнечепецкого диалекта обусловлена переселением на территорию его распространения удмуртов из различных ареалов, что способствовало нейтрализации и выравниванию некоторых языковых особенностей и возникновению новых черт. Своеобразие кезского говора заключается в том, что в нем в бóльшей степени, чем в остальных верхнечепецких говорах, проявляются среднечепецкие черты. Дебёсский и зуринский говоры отличаются тем, что в их языковой системе черт срединных говоров обнаруживается больше, чем в кезском говоре. В этом отношении выделяется тыловайский подговор дебёсского говора, проявляющий ряд соответствий со срединными говорами. Однако в тыловайском подговоре срединные черты не являются доминирующими, в нем превалируют языковые признаки, характерные в целом для северного наречия. Вышесказанное свидетельствует о том, что ареал распространения тыловайского подговора является промежуточной зоной между северными верхнечепецкими и срединными средневосточными говорами.

6. Нижнечепецкий диалект в системе северных диалектов различается рядом своеобразных языковых явлений, возникновение которых обусловлено действиями как собственно лингвистических, так и экстралингвистических факторов: участие различных этнических компонентов в сложении его носителей, длительное изолированное проживание носителей языка, развитие в окружении других родственных и неродственных языков.

7. Анализ морфологического строя северных диалектов показал значительные диалектные расхождения в системе глагола и место-

имений, наиболее древних в диахроническом отношении частей речи. Различия обнаруживаются в составе форм и употреблении глагольных времен и наклонений. В системе местоимений различия прослеживаются в парадигмах словоизменения личных и усилительно-личных местоимений, которые обусловлены как внутрисистемными, так и экстралингвистическими факторами.

8. Специфика удмуртского, в том числе и северного, диалектного ландшафта заключается в том, что границы ареалов отдельных диалектных явлений не совпадают с границами диалектов и говоров.

Структура работы определена исследовательскими задачами, степенью изученности темы и накопленным эмпирическим материалом. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списков использованной литературы, содержащей 606 наименований на русском и иностранных языках, источников, сокращений и условных обозначений. Приложения к основному тексту включают 3 карты (Приложение 1), 31 таблицу склонения существительных, прилагательных и местоимений (Приложение 2), список экспедиций автора (Приложение 3) и тексты образцов речи (Приложение 4). Общий объем работы составляет 562 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении раскрывается актуальность темы, определяются объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи диссертации, характеризуются методы и материал исследования, обосновывается научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность результатов исследования, излагаются основные положения, выносимые на защиту, сообщаются сведения об апробации результатов, описывается структура диссертации.

Первая глава «Территориальные диалекты как объект лингвистических исследований» носит аналитико-обобщающий, обзорный характер. Здесь рассмотрен комплекс вопросов, связанных с определением теоретических положений, на которых базируется решение исследовательских задач, также с диалектным членением удмуртского языкового ландшафта, историей формирования и состоянием изученности северноудмуртских диалектов.

В первом разделе **«Диалектный язык в современной научной парадигме»** освещаются проблемы, касающиеся интерпретации понятия «диалектный язык» и методов его изучения. Теоретическая база

исследования диалектов была разработана Р. И. Аванесовым, который ввел в отечественную науку понятие «диалектный язык». Им была сформулирована идея структурной диалектологии, в которой фундаментальными являются теория диалектного языка и диалектного различия. Диалектный язык, по терминологии Р. И. Аванесова, представляет собой особым образом организованную сложную систему частных диалектных систем, варьирующих общие (устойчивые, стабильные) и различительные (подвижные) элементы. В качестве системных компонентов диалектного языка могут выступать диалектные микросистемы и макросистемы разных степеней, образованные собранием частных диалектных систем. На основе разработанной Р. И. Аванесовым модели метаязыка была обоснована возможность построить любую диалектную систему максимального типа, содержащую наибольшее количество элементов.

В современной лингвистике интерпретация диалектного языка не получила однозначного решения. К числу дискуссионных относится вопрос о том, что представляет собой диалектный язык как совокупность частных диалектных систем – живую функционирующую систему или является абстрактным научным построением. Большинство исследователей придерживается точки зрения, что диалектный язык, как и национальный язык, не имеет прямого текстового соответствия, а система диалектного языка может быть представлена лишь в виде модели или системы-эталона (метаязыка)¹.

Другой аспект проблемы диалектного языка касается содержания понятия «диалектный язык». Так, согласно Л. Л. Касаткину, диалектный язык представляет собой совокупность тех языковых признаков, которые присущи только диалектам и не представлены в литературном языке. Подобное понимание диалектного языка не разделяется многими лингвистами. Лексикографическая практика и исследовательская работа в этом отношении показали, что нет оснований определять диалектный

¹ См., например: *Загоровская О. В.* Семантика диалектного слова и проблемы диалектной лексикографии / О. В. Загоровская. – М., 1990. – 299 с.; *Нефедова Е. А.* Лексико-семантическое варьирование в пространстве диалекта: автореф. дис. ... д. филол. наук / Е. А. Нефедова. – М., 2008. – С. 15; *Бромлей С. В.* Об эталоне сопоставительного описания морфологии русских говоров / С. В. Бромлей // Проблемы диалектологии, лингвогеографии и истории русского языка. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. – С. 43–50; *Бромлей С. В., Булатова Л. Н.* Морфологические различия русских говоров / С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова // Проблемы диалектологии, лингвогеографии и истории русского языка. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. – С. 33–42 и др.

язык как совокупность лишь собственно диалектных явлений, исключая из него общерусские элементы¹.

В диссертационной работе рассматриваются проблемы изменения системы современного диалекта, которые обусловлены как внутренним развитием говоров, так и воздействием экстралингвистических факторов, приводящие к постепенному формированию новых форм народной разговорной речи: сельского просторечия, «полудиалекта», региолекта².

На современном этапе диалектологическая наука приобретает полипарадигмальный характер. Наряду с изучением структурных особенностей диалектов активно развиваются новые направления: функциональное, коммуникативное, когнитивное, лингвокультурологическое. Существенным в рамках предпринятого исследования представляется выделение структурного подхода, имеющего наиболее давние традиции и дающего возможность комплексного изучения территориального распространения явлений различных уровней языка, системного описания диалектов в их связях и отношениях друг к другу.

Во втором разделе «**Диалектная система удмуртского языка. Структура градационных единиц**» обсуждаются проблемы, связанные с диалектным членением удмуртского языка и определением основных его конститутивных единиц. В процессе изучения удмуртских диалектов, начавшегося в середине XIX в., наряду с установлением специфических особенностей различных диалектов, исследователями ставился также вопрос о количестве территориальных разновидностей удмуртского языка и критериях их классификации. В конце XIX – начале XX вв. в удмуртском языке было выделено свыше 10 диалектов, однако никем

¹ Блинова О. И. Введение в современную региональную лексикологию: материалы для спецкурса / О. И. Блинова. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1973. – С. 90–97; Оссовецкий И. А. Лексика современных русских народных говоров / И. А. Оссовецкий. – М.: Наука, 1982. – С. 4, 23–26; Нефедова Е. А. Лексико-семантическое варьирование в пространстве диалекта: автореф. дис. ... д. филол. наук / Е. А. Нефедова. – М., 2008. – С. 16.

² См, например: Колесов В. В. Фонологическая характеристика фонетических диалектных признаков / В. В. Колесов // Вопросы языкознания. – 1971. – № 4. – С. 63; Жирмунский В. М. Немецкая диалектология / В. М. Жирмунский. – М., Л., 1956. – С. 56; Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология (Состояние и перспективы) / Т. С. Коготкова. – М.: Наука, 1979. – С. 5–6; Герд А. С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия / А. С. Герд. – СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. – С. 23–24; Бородина М. А. Диалекты или региональные языки? / М. А. Бородина // Вопросы языкознания. – 1982. – № 5. – С. 29–38 и др.

из ученых не была сделана попытка установления диалектного членения удмуртского языка и соответственно построения той иерархии, которая имеется между отдельными единицами в пределах этого членения. Первые научные попытки описания диалектной системы удмуртского языка представлены в работах Т. К. Борисова [1932] и С. П. Жуйкова [1935]. В классификационной структуре Т. К. Борисов оперировал двумя лингвотерриториальными единицами – наречием и говором. В удмуртском языке им выделены 4 наречия: северное, срединное, южное и крайне-южное, каждый из которых распадается еще на более мелкие единицы – говоры. На диалектологической карте удмуртского языка С. П. Жуйкова отмечены 3 диалекта (северный, срединный и южный) с дальнейшей их дифференциацией на подговоры в пределах территории бывшей Удмуртской автономной области. Многоступенчатая модель диалектного членения удмуртского языка, получившая начало в работах Т. К. Борисова и С. П. Жуйкова, в дальнейшем уточнялась в трудах Т. И. Тепляшиной, В. К. Кельмакова, М. Г. Атаманова, С. А. Максимова.

Одной из сложных проблем при моделировании диалектного членения языка является вопрос о критериях выделения пространственно-структурных единиц, который определяется учеными по-разному. Большинство современных исследователей, занимавшихся данной проблематикой, классификация удмуртского диалектного языка строится с учетом комплекса морфологических, фонетических и лексических особенностей. В частности, В. К. Кельмаков и С. А. Максимов на основе изучения закономерностей распространения языковых особенностей разного уровня в удмуртском диалектном ландшафте выделяют 3 наречия (северное, южное, бесермянское) и одну группу переходных говоров (срединные), которые, в свою очередь, членятся на диалекты и говоры¹. При построении диалектной структуры удмуртского языка названные ученые придерживаются синхронного подхода, в основу определения диалектов ими положен территориально-лингвистический принцип. В разработке проблемы классификации удмуртских диалектов М. Г. Атаманов, наряду с лингвистическими признаками, предлагает учитывать и исторический аспект. На основе комплексного изучения данных факторов ученый в удмуртском языковом пространстве различает 4 наречия (северное, южное, периферийно-южное, бесермянское) и срединные говоры, которые,

¹ Кельмаков В. К. К вопросу о диалектном членении удмуртского языка / В. К. Кельмаков // Пермистика [1]: Вопросы диалектологии и истории пермских языков: сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1987. – С. 30–37; Максимов С. А. Севернудмуртско-коми ареальные лексико-семантические параллели: дис. ... канд. филол. наук / С. А. Максимов. – Ижевск, 1999. – С. 171.

в свою очередь, делятся на диалекты и говоры¹. Модели дробления диалектного языка, представленные в работах В. К. Кельмакова, С. А. Максимова и М. Г. Атаманова, в целом не противоречат друг другу, а отличаются методом подхода к созданию диалектного членения.

В современной научной диалектологии для обозначения всего многообразия взаимоотношений территориальных вариантов языка между собой используются различные термины: наречие, диалект, говор, подговор, группа говоров, куст, диалектная зона и т. д. Система номинации данных диалектных единиц не находит однозначного применения в диалектологии разных языков. В настоящем исследовании понятия говор, диалект, наречие употребляются в соответствии с традицией, сложившейся в удмуртской диалектологии: *говор* – наиболее мелкая территориальная разновидность языка (для обозначения особенностей частного характера, существующих в пределах говора, используются названия *подговор* или *куст*); *диалект* – совокупность нескольких близкородственных говоров, характеризующихся относительным единообразием; *наречие* – самая крупная исторически сложившаяся единица диалектного дробления, обладающая существенными дифференциальными признаками на всех уровнях языковой системы: фонетическом, морфологическом, лексическом и др.; *диалектная зона* – территория распространения определенных диалектных черт, не всегда совпадающая с ареалами распространения единиц диалектного членения². Термин *диалект* в зависимости от контекста используется как для выражения единицы дробления (средней между говором и наречием), так и для выражения любой единицы диалектного членения, независимо от ее места в иерархии таких единиц. Степень изученности удмуртских диалектов на данный момент позволяет выстроить градационную систему основных единиц удмуртского диалектного членения в следующем соотношении: наречие – диалект – говор.

Важнейшим условием для окончательного установления единиц удмуртского диалектного членения (наречий, диалектов, говоров и т. д.), определения иерархических отношений между ними и выявления границ распространения территориальных диалектов является комплексное описание удмуртского языкового ландшафта и изучение присущих ему диалектных различий.

¹ Атаманов М. Г. Этногенез удмуртов: роль лингвистики в решении этногенетических проблем / М. Г. Атаманов // Ежегодник финно-угорских исследований. – Ижевск, 2011. – Вып. 1. – С. 44.

² Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография: учеб. пособие для вузов / В. К. Кельмаков. – Ижевск: Удм. Изд-во, 1998. – С. 35–36.

В параграфе 1.3.1. «Краткий экскурс в историю формирования северноудмуртских диалектов» дается краткая история заселения Чепецкого бассейна и формирования диалектов этого ареала.

Чепецкий бассейн начинает плотно заселяться на рубеже V–VI вв. Наиболее ранние известные памятники культуры бассейна р. Чепцы локализируются в ее верховьях. Археологические памятники свидетельствуют о достаточно плотном заселении Чепецкого бассейна в период IX–XIII вв. Дальнейшие события, связанные с постепенным заселением бассейна р. Вятки русским населением, образованием Вятской земли и вхождением ее в состав молодого Русского государства, расселением каринских татар, бесермян и некоторых групп южноудмуртского населения, оказали значительное влияние на этнокультурную ситуацию в Чепецком бассейне. В связи с русской колонизацией местное население было вынуждено бежать в бассейн р. Кильмези, Чепцы. Интенсивное заселение северными удмуртами среднего и верхнего течения Чепцы происходило в XVII в. Окончательное расселение удмуртов на территории их современного проживания завершилось к концу XVII в.

Развитие диалектов тесно связано с историей этнических групп их носителей. Этнический состав носителей нижнечепецкого диалекта сформирован при участии различных компонентов населения. Решающая роль принадлежит местному привятскому населению. В формировании нижнечепецких удмуртов участвовали также удмурты с нижней Вятки, которые с началом колонизации Вятской земли в XV–XVI вв. и в последующие века переселяются вначале на нижнюю Чепцу, а далее – на среднюю Чепцу. В становлении говоров нижнечепецких удмуртов отмечается также определенная роль бесермян, переселившихся в XIV–XVI вв. с районов Заказанья вверх по Вятке в бассейн Чепцы. В формировании нижнечепецких говоров в определенной мере участвовал и коми (коми-зырянский и коми-пермяцкий) компонент, что подтверждается языковыми фактами.

В сложении современного среднечепецкого населения участвовали носители-создатели чепецкой археологической культуры IX–XIII вв. н. э., возникшей на основе поломской культуры V–IX вв. н. э. В этом процессе большую роль сыграли и другие группы удмуртов, в первую очередь, привятские и нижнечепецкие удмурты-ватка, а также калмезы и выходцы из Арской земли¹. Следует отметить, что язык среднечепецких удмуртов (верхнечепецкий диалект в несколько меньшей степени)

¹ Атаманов М. Г. От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов / М. Г. Атаманов. – Ижевск: Удмуртия, 2005. – С. 52–53.

сложился под значительным влиянием языка нижнечепецких удмуртов. Заметное воздействие на язык и культуру среднечепецких удмуртов оказали бесермяне.

Верхнечепецкий ареал в языковом отношении представляет собой довольно смешанный характер, что обусловлено, прежде всего, историей заселения территории. Археологические памятники свидетельствуют о заселении верховьев Чепцы уже в I тыс. н. э. Однако в конце VIII – начале IX в. верхнее течение р. Чепцы приходит в запустение. Основное заселение данной территории происходило уже в позднее средневековье, но интенсивный характер оно приобретает в конце XVII в. В заселении верхней Чепцы участвовали удмурты с бассейна нижней и средней Чепцы, из центральной и южной Удмуртии, Арской земли. Все эти миграционные процессы в определенной степени отразились на языковой специфике удмуртов верхнечепецкого ареала, в языке которых наряду с общими северноудмуртскими особенностями выработались свои местные черты. Более чем двухвековое совместное проживание удмуртов из разных мест способствовало нейтрализации и выравниванию отдельных языковых особенностей.

В настоящее время в этническом плане население Чепецкого бассейна представляет весьма неоднородную картину: на исследуемой территории вместе с удмуртами живут русские, татары, бесермяне. Безусловно, сложившаяся этносоциальная ситуация в регионе не могла не оказать определенного влияния на процесс формирования языка северных удмуртов и на развитие ряда специфических черт. При этом значительное воздействие, особенно на лексическом уровне, северные диалекты испытывают со стороны русского языка.

В параграфе 1.3.2. **«Северноудмуртские диалекты в материалах и исследованиях»** освещаются история и проблематика исследования северноудмуртских диалектов.

Фиксация удмуртской речи в виде отдельных слов и словосочетаний началась с середины XVIII в. и связана с работами ученых-путешественников, изучавших природные богатства, географию Российской империи, также этнографию, историю народов Сибири и Поволжья (Д. Г. Мессершмидт, Ф. И. Страленберг, Г. Миллер и др.). Первые письменные сведения по языку северных удмуртов представлены в двух наиболее самых крупных рукописных работах конца XVIII в.: в словаре З. Кротова «Краткой вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ» [1785] и грамматике М. Могилина [Мышкина] «Краткой отяцкія Грамматики опытъ» [1786], составленных

на материале современного ярского говора среднечепецкого диалекта. Некоторые языковые особенности языка северных удмуртов нашли отражение в переводной религиозной литературе XIX в., издаваемой на разных наречиях удмуртского языка.

Вторая половина XIX в. в истории удмуртской диалектологии ознаменовалась началом научного изучения удмуртских диалектов. Целая плеяда известных зарубежных финно-угроведов (Ф. Й. Видеманн, Т. Г. Аминофф, Б. Мункачи, Ю. Вихманн и др.) посвятили свои работы исследованию и описанию удмуртских диалектов, в том числе и северных. Этими учеными был собран и большей частью опубликован огромный корпус фольклорно-диалектологического материала, существенная часть которых была издана в соответствии с требованиями научной публикации диалектных текстов. Определенный северноудмуртский языковой материал представлен также в работах отечественных этнографов и фольклористов того периода (Б. Г. Гаврилова, Н. Первухина и др.).

В данном разделе комментируются также результаты активизации деятельности по изучению особенностей удмуртских диалектов, в том числе северных, в послеоктябрьский период. Благодаря трудам В. Д. Крылова, И. В. Яковлева, Т. К. Борисова, С. П. Жуйкова и многих собирателей накоплен материал, характеризующий основные черты северноудмуртских говоров.

С 1930-х годов начинается коллективное изучение удмуртских диалектов посредством организации экспедиций в связи с необходимостью определения диалектной базы удмуртского литературного языка. Значительный языковой материал по языку северных удмуртов представлен в записях лингвистической экспедиции 1929 г. и фольклорно-диалектологической экспедиций 1936 г.

В 1950-е годы были заложены традиции монографического исследования удмуртских диалектов. Первое обстоятельное и по-настоящему глубоко научное исследование одного из говоров верхнечепецкого диалекта принадлежит Т. И. Тепляшиной, монографически описавшей тыловайский говор [1955]. В дальнейшем диалектологи дают общую характеристику отдельных говоров северного наречия [Вахрушев 1959; Лыткин, Тепляшина 1959; Тепляшина 1970; Каракулов 1982; Ившин 2017] или их языковых ярусов: фонетического [Люкина 2008], лексического [Архипов 1987; 1989]. Важное место в исследовании особенностей верхнечепецкого диалекта принадлежит работам А. А. Алашевой [1982; 1990; 1992; 1995; 2002 и др.], в которых получили освещение преимущественно особенности кезского говора.

Обзор современного состояния северноудмуртских диалектов показывает, что на данный момент они обследованы совершенно неравномерно. К настоящему времени многоаспектное описание получил среднечепецкий диалект, изучением которого занимается автор данного исследования. Верхнечепецкий и нижнечепецкий диалекты в той или иной степени неоднократно привлекали внимание исследователей. Несмотря на это, языковая специфика указанных диалектов в научном отношении остается недостаточно освещенной, в связи с чем возникает необходимость их всестороннего описания и анализа.

Таким образом, собирательская и исследовательская работа в северноудмуртском регионе была довольно интенсивной. За многие десятилетия записано и опубликовано большое количество фольклорно-диалектологического материала. Это ценнейший как с исторической, так и с научной точки зрения материал может быть основой для дальнейших изысканий в области диалектного языка. Текстовые и научные публикации, сделанные в разные годы, дают возможность проследить динамику развития исследуемого диалектного ареала.

Во второй главе «Сравнительная характеристика фонетики северноудмуртских диалектов» дается структурно-системное описание вокализма, консонантизма и словесного ударения северноудмуртских диалектов, анализируются фонетические явления в области гласных и согласных.

В первом разделе **«Вокализм»** рассматривается вокалическая система исследуемых диалектов, производится анализ фонетических процессов в области гласных.

Описание **вокализма** устанавливает, что в северных диалектах состав гласных представлен 7 фонемами: *a, э, ö, и, o, y, ы*. Первые шесть фонем артикуляционно и акустически совпадают с соответствующими фонемами многих удмуртских диалектов и литературного языка. Различие проявляет фонема *ы*, выступающая в северноудмуртском языковом ареале в трех основных вариантах: *ы* – гласный среднего ряда верхнего подъема, *ь* – гласный среднего (средне-нижнего) подъема заднего ряда, *й* – гласный верхне-среднего (среднего) подъема средне-заднего ряда. В верхнечепецком и нижнечепецком диалектах функционирует среднерядный *ы*, свойственный большинству удмуртских диалектов и схожий с соответствующей фонемой литературного языка. В говорах среднечепецкого диалекта данная фонема реализуется в вариантах *ы, ь, й*, употребление которых не представляет единства в говорах. Заднерядный вариант *ь*, не имея позиционных ограничений, закономерно функционирует в юкаменском говоре и кожильском подговоре глазовского

говора: *гуртань* ‘гостить’, *кужъм* ‘сила, мощь’. Гласный *ы* характерен преимущественно для речи носителей ярского и бalezинского говоров: *кытын* ‘где’, *улыны* ‘жить’. Вариант *й* встречается в основном на стыке ареалов распространения *ъ* и *ы*. В среднечепецком диалекте данный звук обнаруживается в отдельных населенных пунктах понинского подговора глазовского говора, также в некоторых селениях ярского говора: *гбйрпин* ‘коренной зуб’, *нбл* ‘девочка, девушка’. Гласные *ъ* и *й* в фонологической системе среднечепецкого диалекта представляют собой варианты фонемы *ы*, поскольку не выступают в смысловозначительной функции. Причина веляризации *ы* в *ъ* в удмуртских диалектах традиционно объясняется влиянием тюркских языков. В данном вопросе мы разделяем точку зрения М. Г. Атаманова о решающей роли бесермянского языка в возникновении указанного звука в удмуртских диалектах. Наш материал по среднечепецкому диалекту также подтверждает эту гипотезу, поскольку в среднечепецком ареале заднерядный вариант преимущественно отмечается в тех говорах, носители которых издавна живут в соседстве с бесермянским населением. В языке бесермян эта общевдмуртская фонема выступает в единственном варианте – *ъ*.

Кроме указания основных артикуляционных признаков фонем, в работе дается характеристика особенностей их употребления в структуре слова. В первом слоге слова функционируют все 7 гласных фонем. При этом в употреблении они не имеют ограничений. В непервом слоге слова фонемы *у*, *ö* дистрибуционно ограничены и выступают только в определенных позициях. Фонема *у* в непервом слоге встречается: 1) во втором компоненте сложного слова (*пэл'нум* ‘плечо’, *писпу* ‘дерево’); 2) в словах русского происхождения: *подушка* (< рус. *подушка*), *подруга* (< рус. *подруга*); 3) в ласкательных суффиксах *-у* и *-уш*, отмечающихся преимущественно в личных именах: *к а т'-у* ‘Катенька’; *и р и н-у* ‘Ириночка’. Фонема *ö* в исконных непроизводных основах не переходит дальше первого слога, за исключением сложных и некоторых дестимологизированных лексем: *с'ил'тöл* ‘буря, ураган’, *öвöл* ‘нет; не имеется’. В нижнечепецком диалекте, в большей степени в слободском говоре, частотность употребления *ö* увеличилась вследствие усвоения общепермских лексем с гласной **e* в *ö*-овой огласовке (на месте *о* среднечепецкого и верхнечепецкого диалектов): нч.: сл. *зöр*, кос. *зэр* ~ *зөр*, сч. вч. *зор* ‘дождь’; нч.: сл. *трöс*, сч. вч. *трос* ‘много’. В нижнечепецких говорах функционирование *ö* на месте *о* отмечается также в русских заимствованиях: *рöд'на'* < рус. родня, *пöяс* ~ *пöяска* < рус. пояс.

Особенности функционирования гласных в синтагматической цепи рассматривается в пункте 2.3.2. «Фонетические явления в области

гласных». Здесь подробно описываются корреспонденция гласных в диалектах северного наречия, различные фонетические процессы в области вокализма.

В корневых морфемах из междиалектных (иногда внутридиалектных) корреспонденций в области гласных в северном диалектном ареале отмечаются следующие виды звукосоответствий: 1) гласных *и* (сч. вч.) // *ы* ~ *и* (нч.): сч. вч. *гинэ* // нч. *гынэ* ‘только, лишь’; сч. вч. *жыкыт* // нч. *жыкыт* ‘аккуратный, экономный; аккуратно, экономно’; 2) гласных *ы* (вч. сч.: гл. бал.) // *и* ~ *ы* (нч. сч.: яр. юк.): сч.: гл. *кыз* ~ *киз*’, бал. *кыз*’, вч. *кыз*’ // нч. сч.: яр. юк. *киз*’ ‘моча’; 3) гласных *у* (сч. вч.) // *ы* (нч.): сч. вч. *зубэктыны* // нч. *зыбэктыны* ‘сводить судорогой, колоть’; 4) гласных *ö* (вч. сч.: бал.) // *ö* ~ *э* (сч.: яр. гл. юк. нч.: сл.) // *э* (нч.: кос.): вч. сч.: бал. *йöны* // сч.: яр. *йöны* ~ *йэны*, гл. *йöны* (*йöнь*) ~ *йэны* (*йэнь*), юк. *йöнь* ~ *йэнь*, нч.: сл. *йöны* // нч.: кос. *йэны* ‘осот’; 5) *ö* (сч. вч. нч.: сл.) // *о* (нч.: кос.): сч. вч. нч.: сл. *йöл* // нч.: кос. *йол* ‘молоко’; 6) гласных *о* (сч. вч.) // *ö* (нч.: сл.) // *э* ~ *ö* (нч.: кос.): сч. вч. *зор* // нч.: сл. *зör* // нч.: кос. *зэр* ‘дождь’ и др. Возникновение указанных видов корреспонденций, с одной стороны, связано с различной рефлексацией праудмуртских гласных в диалектах североудмуртского ареала, с другой, с историей формирования конкретного диалекта и говора.

Вставочные гласные в северных диалектах наблюдаются в основном в заимствованных словах с нехарактерным для удмуртского языка стечением согласных в начале, середине и конце слова, что отражает общепраудмуртскую тенденцию преодоления произносительной трудности сочетаний согласных: *опторн’ик* < рус. *вторник*, *пуруд* < рус. *пруд*, *н’эрва* < рус. *нерв*. В настоящее время данное явление встречается нерегулярно и преимущественно в речи диалектоносителей старшего поколения.

Выпадение гласных в диалектах северного наречия представлено весьма неодинаково, наиболее типичными являются следующие: 1) в нижнечепецком и среднечепецком диалектах – отпадение инициального гласного *у* перед согласными *р*, *д*, *с* (в косинском говоре нижнечепецкого диалекта изредка и перед согласными *л*, *м*) и синкопического гласного *ы* в словах перед сонантами *л*, *н*, *р* (в нижнечепецких говорах также перед согласными *й*, *л*) (*робо* (< *уробо*) ‘телега’; *далтыны* (< *удалтыны*) ‘уродиться’; *сукмыны* (< *усыкмыны*) ‘угореть’; нч. *кл’ис’кыны* (< *кыл’ис’кыны*) ‘раздеться’; 2) в кезском и дебёсском говорах верхнечепецкого диалекта – выпадение конечного гласного *а* основы существительного перед падежным показателем инессива, элатива, эгрессива (*бакчын* (< *бакчаын*) ‘в огороде’, *бакчыс*’ (< *бакчаыс*’) ‘из огорода’, *бакчыс’эн* (< *бакчаыс’эн*) ‘от огорода’); 3) в верхнечепецких

говорах наблюдается альтернативное выпадение гласного *ы* в глагольной основе и в суффиксе инфинитива (*мынны* (< *мыныны*) ‘идти’, *кошкын* (< *кошкыны*) ‘уйти’).

В косинском говоре (в единичных случаях в слободском говоре) нижнечепецкого диалекта и кезском говоре верхнечепецкого диалекта, изредка в среднечепецком диалекте отмечается лабиальная дистантная ассимиляция, когда гласный *ы* в непервых слогах отдельных слов под влиянием гласного *у* предыдущего слога переходит в *у* (*пужум* (< *пужым*) ‘сосна’, *пуну* (< *пуны*) ‘собака’). Данное явление в кезском говоре и среднечепецком диалекте встречается нерегулярно и преимущественно в речи диалектоносителей старшего поколения, поэтому является неустойчивым диалектным различием.

В разделе «Словесное ударение» фиксируются особенности акцентуации североудмуртских диалектов.

Исследуемые диалекты в целом сохраняют словесное ударение на конечном слоге слова, характерное для литературного языка и других удмуртских диалектов. Основные различия в акцентуационной системе северных диалектов выявляются в следующих категориях слов: 1) в порядковых числительных и отнумеральных наречиях ударение во всех северных диалектах отмечается на первом слоге суффикса *-эт'и* (сч. нч.), *-эти* (вч.) (сч. нч. *вит'э·т'и*, вч. *вит'э·ти* ‘пятый; в пяти местах’); 2) в счетно-личных местоимениях, образованных с помощью аффикса *-на-* и притяжательных суффиксов *-мы*, *-ды*, *-зы*, ударение фиксируется на суффиксе *-на-* (*кыкна·мы* ‘мы оба’); 3) в глагольных формах с личными суффиксами *-мы*, *-ды*, *-зы* в среднечепецком, нижнечепецком диалектах и кезском говоре верхнечепецкого диалекта ударение наблюдается на предыдущем этим суффиксам слоге (*мыни·ды* ‘(вы) пошли’); 4) в именных, местоименных и послеложных формах на *-мы*, *-ды*, *-зы* ударение в ярском, юкаменском и глазовском говорах среднечепецкого диалекта преимущественно отмечается на предшествующем этим суффиксам слоге (*бакчайа·мы* ‘в нашем огороде’, *ми бõрс'а·мы* ‘за нами’); 5) отрицательная форма императива в среднечепецком и нижнечепецком диалектах имеет ударение главным образом на отрицательном вспомогательном глаголе *эн*, в верхнечепецком диалекте – на первом слоге основного глагола (сч. нч. *э·н вэра*, вч. *эн вэ·ра* ‘не говори, не рассказывай’); 6) суффикс *-жык*, с помощью которого образуется компаратив имен прилагательных в нижнечепецком диалекте, имеет безударный характер: в словах с данным маркером всегда акцентируется предшествующий этому суффиксу слог (*лы·зэжык* ‘более синий’, *йунгэ·мэжык* ‘сильнее’).

Анализ отмеченных выше слов с ударением не на конечном слоге слова в диалектах показывает, что эти лексемы-исключения имеют разное происхождение. Определенная часть из них, вероятно, является рефлексам раннего состояния удмуртской акцентуационной системы. Нижнечепецкие и среднечепецкие диалекты в постановке ударения нередко проявляют общие черты с территориально отдаленным кукморским южноудмуртским говором и соседним бесермянским наречием, в частности, в глагольных, именных и послеложных формах с суффиксами *-мы*, *-ды*, *-зы*. Общность явлений в указанных диалектах может представлять в них сохранение древних черт удмуртского языка или может быть вызвана взаимовлиянием одного диалекта с другим в результате миграции их носителей.

Третий раздел «**Консонантизм**» посвящен структурно-системному описанию консонантной системы исследуемых диалектов и выявлению происходящих в ней процессов.

Консонантная система северноудмуртских диалектов представлена 31 фонемой: *б, в, г, д, д', ж, жс, з, з', ж̌, й, к, л, л', м, н, н', п, р, с, с', т, т', ъ, ф, х, ц, ч, ч̌, ш, ш̌*. В северном языковом ареале анлаутный согласный *ѳ*, восходящий к общепермскому **ц*, фонемную функцию сохранил лишь в среднечепецком и нижнечепецком диалектах (*ѳ̌аз'эн* 'раньше, в старину, прежде', *ѳ̌амэн* 'через; поперек'). Данная фонема имеет незначительную функциональную нагрузку, употребляясь в небольшом круге слов, и вытесняется фонемой *в*-. Частотность употребления согласного *ѳ*- в речи различных возрастных групп среднечепецких и нижнечепецких удмуртов не одинакова: он более последовательно отмечается в речи диалектоносителей старшего поколения, в речи молодежи встречается очень редко.

Абсолютное большинство согласных в диалектах северного наречия произносится одинаково и по артикуляции не отличается от соответствующих фонем удмуртского литературного языка. Некоторая специфика в произношении отдельных согласных наблюдается в нижнечепецком диалекте. В частности, в косинском говоре общеудмуртские палатальные щелевые согласные *з'* и *с'* нередко имеют палатализованное (свистящее) произношение (*з''* и *с''*) (*с''из''ыл* 'осень; осенью', *виз''мо* 'умный'). Для речи отдельных носителей косинского говора характерным является также свистящее (палатализованное) произношение общеудмуртских аффрикат *ч* (> *ч'*) и *ж̌* (> *ж̌''*), причем аффриката *ч* очень близка к русской диалектной мягкой аффрикате *ч'*: *ж̌''иц'ы* 'лиса', *ж̌''уц'* 'русский'. Палатализованное произношение указанных звуков в косинском говоре возникло под влиянием местных русских говоров, с носителями

которых косинские удмурты издавна находятся в тесных и постоянных контактах.

Большинство согласных фонем в употреблении не имеет ограничений. Следующие фонемы ограничены определенными позициями: 1) анлаутом – фонема *жс* (*жсуй* ‘мох’, *жсог* ‘быстрый, спешный; быстро, спешно’); в позиции инлаута встречается в некоторых сложных словах (*кйтжсож* ‘обида, досада; печаль, скорбь’); 2) ин- и ауслаutom – фонемы *д’, т’, з’, р* (*ад’ами* ‘человек’, *гад’* ‘грудь’, *гут’о* ‘нора; дупло’, *кат’* ‘сила’, *куз’о* ‘хозяин, владелец; начальник’, *сэз’* ‘бойкий, смелый, шустрый’, *куро* ‘солома’); в позиции анлаута *д’, т’, з’, р* зафиксированы в звукоподражательных и изобразительных словах (*т’о-р-т’ор* ‘звукоподражание падающей струйке жидкости’, *д’ин’-д’ин’* ‘звукоподражание звону (напр., колокольчика)’) или заимствованных словах (*з’эм’ак* ‘земляк’, *рад* ‘ряд’); 3) ан- и инлаутом – фонема *з̣* (*з̣эч* ‘хороший; добрый’, *кэн’з̣ал’и* ‘ящерица’).

В функционировании аффрикат некоторую специфику проявляет тыловыйский подговор дебёсского говора, в котором как остаточное явление в речи диалектоносителей старшего поколения отмечается спорадическое произношение первичных аффрикат *з̣* и *жс* в ин- и ауслаутной позициях: *ваз̣* ‘рано’; *ужсан(ы)* ‘работать’ (в остальных северноудмуртских диалектах они заменились соответствующими щелевыми согласными *з’* и *жс*).

Во втором параграфе «**Фонетические явления в области консонантизма**» подробно рассматриваются озвончение, палатализация, различные виды ассимиляции, выпадение согласных фонем и др.

Озвончение этимологических глухих согласных отмечается в нижнечепецком и среднечепецком диалектах и наблюдается в нескольких позициях: 1) перед согласным *в* (*лызв* (< *лысву*) ‘роса’, *даз вит’* (< *дас вит’*) ‘пятнадцать’); 2) в интервокальном положении и в соседстве с сонорными (*тарганы* (< *тарканы*) ‘спутать, запутать, перепутать, смешать’, *тин’ долгаз* (< *тин’ долказ*) ‘набил оскомину’). Явление озвончения в указанных диалектах интерпретируется нами как результат влияния бесермянского языка.

Для среднечепецкого и нижнечепецкого диалектов характерным является палатализация согласного *т* перед переднерядным *и* в показателе пролатива, в суффиксе порядковых числительных, также в некоторых наречиях (*ул’чат’и* (~ *ул’чэз’и*) ‘по улице’; *вит’э-т’и*; *там’(и)* ‘здесь; по этому месту’). Данная диалектная черта является устойчивой и встречается в речи диалектоносителей как молодого, так и старшего поколения. Эта специфика в указанных диалектах нами также рассматривается как следствие влияния языка бесермян.

В этом же параграфе диссертации значительное место уделено ассимилятивным явлениям, которые получили в исследуемых диалектах широкое развитие. В среднечепецком и нижнечепецком диалектах, спорадически в кезском говоре верхнечепецкого диалекта отмечается ассимиляция *й* суффиксального слога или внутри корня (в заимствованных словах) предшествующими согласными *н, н', л, л', д, д', т, т', с', з'* (*пукон'н'ос* (< *пуконйос*) 'стулья', *вал'л'ос* (< *валйос*) 'лошади', *лыд'д'аны* (< *лыдйаны*) 'считать' и др.). При сочетании твердого согласного с последующим *й* наблюдается явление двойной (прогрессивно-регрессивной) ассимиляции: сначала происходит смягчение согласным *й* предыдущего согласного, а затем – уподобление мягким согласным последующего *й* (*кал'л'ос* (< *кал'йос* < *калйос*) 'завязки; шнурки'). В среднечепецком и нижнечепецком диалектах в большей степени *й* подвергается ассимиляции после палатальных согласных, в позиции же после твердых согласных он может выступать с отступлениями и произноситься двояко (*пуртйос* ~ *пурт'т'ос* 'ножи', *валйос* ~ *вал'л'ос* 'лошади'), что свидетельствует о незавершенности процесса ассимиляции *й* предшествующими твердыми согласными в указанных диалектах. Уподобление *й* перед предыдущим твердым согласным представляет собой явление более позднее, появившееся под влиянием форм, в которых *й* уподобляется конечному мягкому согласному основы.

Из ассимилятивных явлений по глухости / звонкости в северных диалектах более широкое распространение получила регрессивная ассимиляция по глухости (*курэз* 'курица' – *курэктэк* 'без курицы', *уж* 'работа, дело' – *уштэм* 'безработный; гуляка', *выдыны* 'ложиться; лечь' – *выттытыны* 'заставить (вынудить) лечь, ложиться' и др.).

В косинском говоре нижнечепецкого диалекта встречается упрощение инлаутного сочетания согласных типа *-pCC* (> *-pC-*) (*кэртыны* (< *кэрттыны*) 'взять', *урчыны* (< *уртчыны*) 'литься через край, бежать (при кипении), урлы (< урдлы) 'ребро').

В среднечепецком и нижнечепецком диалектах в речи диалектоносителей пожилого и преклонного возраста отмечается появление протетического звука *ў* перед вопросительной частицей *-а* 'ли', если слово оканчивается на гласный (сч. *вэтли-ды-ўа?*, нч. *вэтти-ды-ўа?* 'ходили ли вы?'). В настоящее время данная диалектная черта является неустойчивой, так как характеризуется нерегулярностью употребления даже в речи диалектоносителей старшего поколения.

В заключительной части данного параграфа рассмотрены нерегулярные фонетические явления, охватывающие лишь небольшой круг слов или присущие только отдельным группам исследуемых диалектов.

В третьей главе «Морфология знаменательных частей речи североудмуртских диалектов в сравнительном аспекте» дается структурно-системное описание морфологии исследуемых диалектов в сравнительном освещении.

В данном исследовании при характеристике диалектных различий учитываются парадигматика и синтагматика системы, при выявлении морфологических различий в грамматических показателях форм определяется фонемный состав аффиксов. При рассмотрении каждой части речи анализируются все основные грамматические категории, независимо от того, имеют ли они отличия от соответствующих категорий большинства диалектов удмуртского языка или нет. При этом особое внимание уделяется освещению специфических явлений исследуемых диалектов. Диалектная форма, диалектная парадигма рассматриваются в сопоставлении с грамматическими соответствиями других удмуртских диалектных микросистем и макросистем, в необходимых случаях – литературного языка.

В первом разделе «Имя существительное» подвергнуты анализу грамматические категории числа, притяжательности, падежа, выявлены отличительные особенности их функционирования в диалектах северного наречия.

Категория числа в исследуемых диалектах представляет собой бинарную систему, базирующуюся на оппозиции ед. и мн. числа. Форма ед. числа не имеет специального числового показателя, мн. число оформляется маркером *-ос* или *-йос*, употребление которых не представляет единства в диалектах северного ареала. В верхнечепецком диалекте алломорф *-ос*, как правило, присоединяется к основе на гласный, а вариант *-йос* – к основе на финальный согласный (*корка* ‘дом’ – *коркаос* ‘дома’, *уж* ‘дело’ – *ужйос* ‘дела’). В отличие от этого, в нижнечепецком диалекте и в большинстве говоров среднечепецкого диалекта (ярский, глазовский, юкаменский) алломорф *-йос* нередко наблюдается также и в словах с исходом на гласный (*пана* ‘птица’ – *панайос* ‘птицы’), т. е. сохранилась более ранняя форма суффикса мн. числа. В настоящее время данная диалектная черта встречается нерегулярно в речи диалектоносителей старшего поколения, то есть является неустойчивым диалектным различием.

В консонантном алломорфе *-йос* инициальный *й* в среднечепецком и нижнечепецком диалектах нередко ассимилируется с конечным согласным субстантивной основы *д, д', л, л', н, н', т, т', с, с', з, з', ч*, в результате чего показатель мн. числа *-йос* имеет ряд фонетических вариантов в виде *-д'ос* (*гад'д'ос* < *гад'йос* ‘грудь’), *-л'ос* (*вал'л'ос* < *валйос*

‘лошади’), *-н’ос* (*пукон’н’ос* < *пуконйос*) ‘стулья’, *-т’ос* (*удморт’т’ос* < *удмортйос* ‘удмурты’), *-с’ос* (*пэрэс’с’ос* < *пэрэс’йос* ‘старые, пожилые люди; старики’), *-з’ос* (*луз’з’ос* < *луз’йос* ‘оводы’) и т. д.

В северных диалектах встречаются употребление существительных, тяготеющих к стратегии *singularia tantum*, в форме мн. числа (*вуос* ‘воды’; сч. нч. *улон’н’ос*, вч. *улонйос* ‘жизни’). В этом случае формы мн. числа приобретают дополнительные значения.

Во всех северных диалектах суффикс мн. числа, помимо указания на множество предметов, имеет широкий диапазон вторичных значений, в частности, выражение репрезентативной множественности (*мама-осыд* ‘твоя мама и ее семья’).

В североудмуртских диалектах спектр падежей варьируется от 15 до 21. Увеличение числа падежей в исследуемых диалектах связано с развитием серии вторичных приблизительно-местных падежей с *н’*-евым признаком, возникших в результате секреции послелогов с основной *дин’*- ‘у, около, при, возле’. Ареал их распространения ограничивается нижнечепецким и среднечепецким диалектами. В среднечепецком и нижнечепецком диалектах *-н’*-евый признак отмечается в шести падежах, чаще всего в инессиве, иллативе, элативе, эгрессиве (*в а л’ аосн’ыс’ потиз* ‘из дома Вали вышел’, *сос’эдн’э вэтлоз* ‘к соседу ходит’). В говорах верхнечепецкого диалекта аналогичные падежные формы отсутствуют (за исключением гыинского куста кезского говора): им соответствуют конструкции с послелогами с основной *дин’*- ‘у, около, возле, при’ (*эиэ дин’э* ‘к своему другу’).

В диалектах северного наречия имеется некоторая специфика в плане частотности употребления отдельных падежных форм. Гораздо реже отмечаются формы некоторых пространственных падежей, в частности, аппроксиматива, терминатива.

Помимо количественной разницы в системе падежей, в диалектах северного наречия отмечаются семантические колебания в дистрибуции некоторых падежных форм: 1) в слободском говоре нижнечепецкого диалекта, также в глазовском и ярском говорах среднечепецкого диалекта эгрессив используется вместо элатива других северных и южно-удмуртских диалектов (*гуртыс’эн нуллэ* ‘из дома носит’); 2) в ярском говоре среднечепецкого диалекта пролатив употребляется в функции инессива (*ул’чаыт’ шудылим* ‘на улице играли мы’); 3) для выражения причинности действия вместо датива большинства удмуртских диалектов в среднечепецком, нижнечепецком диалектах используются сочетания существительного или другого имени в номинативе с послелогом *понна* ‘за, для, ради’, в верхнечепецком диалекте – сочетание имени

с послелогом *дурэ* ‘за, для, ради’ (нч. сч. *ву понна потод*, вч. *ву дурэ потод* ‘за водой пойдешь’).

Определенные особенности в диалектах северного наречия проявляются во внешнем оформлении падежей: 1) во всех северных диалектах формы аккузатива мн. числа образуются при помощи форманта *-ты* (южн. *-ыз*) (*с’урэсьисты* ‘дорог’, *шур’йисты* ‘рек’); 2) для всех северных диалектов характерно оформление показателей элатива и эгрессива *-ы-овой* инициально – *-ыс’* и *-ыс’эн* соответственно (южн. *-ис’* и *-ис’эн*): *азбарыс’* ‘со двора’, *азбарыс’эн* ‘от двора’; 3) пролатив в диалектах северного ареала отличается многообразием морфонологических вариантов: для верхнечепецкого диалекта характерна тенденция к употреблению форманта *-(э)ти*, для нижнечепецкого диалекта – вариантов *-(ы)т’и* ~ *-(э)т’и*, для среднечепецкого диалекта – *-(ы)т’и* (~ *-(й)ыт’и*), *-(э)т’и* (~ *-(й)эт’и*), *-(э)т’* (~ *-(й)эт’*), *-(ы)т’* (~ *-(й)ыт’*), *-(ы)ки* (~ *-(й)ыки*), употребление которых не представляет единства в говорах: вч. *бакчэ-ти*, нч. *бакчаэт’и* ~ *бакчаыт’и*, сч.: яр. гл. *бакча(й)ыт’и* (~ *бакчат’и*) ~ *бакча(й)эт’и* ~ *бакча(й)ыт’* (~ *бакча(й)эт’*) ~ *бакчаки*, сч.: юк. *бакчаът’и* (~ *бакча(й)ът’и*) ~ *бакчаэт’и* (~ *бакча(й)эт’и*), сч.: бал. *бакча(й)ыт’и* (~ *бакчат’и*) ~ *бакча(й)эт’и* ‘по огороду’.

В словообразовании имен существительных особенностью среднечепецкого, нижнечепецкого диалектов и кезского говора верхнечепецкого диалекта является функционирование специфического суффикса *-н’и*, присоединяемого к отглагольным существительным на *-(о)н* и образующего новые существительные со значением места, объекта совершения действия (*шутэтскон* ‘процесс отдыха’ – *шутэтскон’н’и* ‘место отдыха; место, где отдыхают’). В кезском говоре верхнечепецкого диалекта, наряду с формами на *-н’и*, в той же функции спорадически встречается словообразовательный элемент *-ти*, идентичный по своему значению суффиксу *-н’и* (кез. *ужан’н’и* ~ *ужанти* ‘место работы; место, где работают’).

Раздел «**Имя прилагательное**» посвящен рассмотрению диалектных характеристик прилагательного в североудмуртском языковом ареале.

В параграфе «**Категория степеней сравнения**» анализируются способы выражения в исследуемых диалектах положительной, сравнительной и превосходной степеней прилагательного.

Компаратив прилагательных в северных диалектах, как и в большинстве удмуртских диалектов, выражается с помощью формантов *-гэс* и *-гэм*, причем в нижнечепецком диалекте более употребителен формант *-гэм* (*чылкыдгэс* ~ *чылкыдгэм ул’ча* ‘более чистая улица’). Помимо указанных суффиксов, в нижнечепецком диалекте сравнительная степень

прилагательных образуется при помощи суффикса *-жык* (*умо-йжык улон* ‘более хорошая жизнь’). Формы компаратива с *-жык* могут сочетаться с суффиксом *-гэм* (*-гэс*), при этом суффикс *-жык* располагается после этого суффикса и служит для усиления значения, выраженного в форме сравнительной степени (*йунгэ-мэжык корка* ‘более крепкий дом’).

В северных диалектах встречаются также случаи плеонастического сочетания компаративных суффиксов *-гэс*, *-гэм*. Совместное употребление суффиксов *-гэсгэм* или *-гэмгэс* со значением усиления степени качества наблюдается в понинском подговоре среднечепецкого диалекта и в унинском говоре нижнечепецкого диалекта в речи отдельных диалектоносителей старшего возраста (*жэожгэмгэс крэз* ‘более грустная песня’).

Суперлатив в исследуемых диалектах образуется только аналитическим способом: сочетанием прилагательного в позитиве со словами-усилителями *са-мой* и *с’эк* (~ *фс’эх*), объединяемыми общим значением ‘самый’ (*са-мой чэбэр плат’т’а* ‘самое красивое платье’, *с’эк* (*фс’эх*) *жэужыт писну* ‘самое высокое дерево’). Слово *с’эк* в указанной функции встречается в основном в северных диалектах, а усиительное слово *са-мой* свойственен почти всем удмуртским диалектам.

Степени качества прилагательного рассмотрены нами в параграфе «**Категория степеней качества**». В северных диалектах, как и в других удмуртских диалектах, функционирует трехчленная категория степеней качества: позитив, модератив, интенсив.

В образовании модератива общим для всех северных диалектов является использование суффиксов *-гэс*, *-гэм*, *-мыт* (*пэймыдгэс* ~ *пэймыдгэм сад* ‘темноватый сад’, *вожмыт плат’т’а* ‘зеленоватое платье’). В среднечепецком и верхнечепецком диалекте для выражения неполноты качества, помимо указанных маркеров, употребляется суффикс *-алэс*, не свойственный нижнечепецким говорам (*пуры-с’алэс ыж* ‘сероватая овца’). Специфику ярского и глазовского говоров среднечепецкого диалекта составляют модеративные маркеры *-пыр*, *-прэс*, *-галэс*, которые не характерны для других северных диалектов (*чы-рспыр н’ан* ‘кисловатый хлеб’, *во-шпрэс кышэт* ‘зеленоватый платок’, *чы-рсгалэс с’укас* ‘кисловатый квас’).

В образовании форм интенсива особенность северноудмуртских диалектов проявляется в функционировании специальных слов-усилителей *йун*, *л’экос* (*л’э-кос*, *л’окос*), *проч* (*прöч*) с общим значением ‘очень, слишком, довольно, чрезвычайно’, которые не характерны для других удмуртских диалектов (сев. *йун с’экыт улон* ‘очень тяжелая жизнь’; сч. *л’экос кус’ с’урэс*, вч. нч.: сл. *л’э-кос кус’ с’урэс*, нч.: *кос. л’окос* (~ *л’экос*) *кус’ с’урэс* ‘очень длинная дорога’; сев. *проч виз’мо пинал*, нч. *прöч*

виз'мо пинал 'очень умный ребенок'). Для дебёсского и зуринского говоров верхнечепецкого диалекта характерным является использование интенсификатора *ту·жун* (~ *ту·жын*) 'очень, слишком, чрезмерно', не свойственного другим удмуртским диалектам (*ту·жун* (*ту·жын*) *чэбэр корка* 'очень красивый дом'). Кроме указанных слов-усилителей с общим значением 'очень, слишком, довольно, чрезвычайно', для каждого из диалектов и говоров северного наречия характерны свои специфичные слова-усилители, имеющие локальный характер распространения.

В исследуемых диалектах интенсив выражается также специфическими конструкциями, состоящими из изобразительных слов и основной формы прилагательного. При этом интенсивы-слова могут употребляться одиночно или в виде редуликата, выступая в сочетании только с определенными качественными адъективами. Данные сочетания ограничены, причем их функционирование в северных диалектах не представляет единства (сч. вч. *чы·п* (*чин*) *тöд'ы* 'белый-белый'; нч.: сл. *пы·р* (*-пыр*) *кэд'ы*, нч.: кос. *пы·р* (*-пыр*) *тэд'и* (~ *тэд'ы* ~ *тöд'ы*) 'белый-белый'; сч. *чы·рак* *тöд'ы* ~ *йу·к* *тöд'ы* 'белый-белый').

Высокая степень качества может выражаться также редупликацией основы прилагательного (*жэ·ч-жэч кн'ига* 'очень хорошая книга'). В слободском говоре нижнечепецкого диалекта повторяющиеся прилагательные могут соединяться посредством соединительного союза *да* (*дак*) 'и, да' (*горд да горд* (*горд дак горд*) *йуч'кон* 'красный-красный (очень красный) платок').

В разделе «**Имя числительное**» рассматриваются морфологические характеристики данной части речи в северных диалектах.

В диалектах исследуемого ареала в функционировании простых числительных некоторую особенность проявляет нижнечепецкий диалект. В данном диалекте фонетическим оформлением отличается числительное *ойик* 'один', возникшее из общеудмуртской формы числительного *одиг*. Числительное *н'ыл'* 'четыре', выступающее в данном варианте в среднечепецком, верхнечепецком диалектах и слободском говоре нижнечепецкого диалекта, также в большинстве других удмуртских диалектов, в косинском говоре представлено в фонетическом варианте *н'ил'*. Числительные *к'уйн'* 'три', *к'уат'* 'шесть', *к'уамын* 'тридцать' в косинском говоре нижнечепецкого диалекта имеют фонетические варианты *квин'*, *кват'* и *квамын*, которые в речи современных носителей говора употребляются спорадически. Числительное *т'амыс* 'восемь', функционирующее в данном оформлении в большинстве удмуртских диалектов и литературном языке, в слободском говоре нижнечепецкого диалекта представлено в форме *кйамыс*. В коми-зырянском языке удмуртскому

числительному *т'амыс* соответствует лексема *кӧкъямыс*. Возможно, что в слободском говоре функционирование архаичной формы *кйамыс* связано с влиянием коми диалектов.

В среднечепецком, верхнечепецком диалектах и косинском говоре нижнечепецкого диалекта, как и в удмуртском литературном языке и большинстве диалектов, названия десятков от сорока до девяноста происходят от названий единиц путем прибавления форманта *-дон/-тон* (сч. вч. *н'ыл'дон*, нч.: кос. *н'ил'дон* 'сорок'). В слободском говоре нижнечепецкого диалекта соответствующие числительные образуются с помощью компонента *-дас / -тас* (*н'ыл'дас* 'сорок', *вит'тас* 'пятьдесят'). Данная черта в указанном говоре интерпретируется как результат влияния коми диалектов.

В образовании сложных числительных особенность проявляет слободской говор нижнечепецкого диалекта, где в структурной группе от сорока и выше между десятками и единицами вставляется сочинительный союз *но 'и'* (*н'ыл'дас но кык* 'сорок два').

В верхнечепецких говорах, как и в большинстве удмуртских диалектов, порядковые числительные оформляются маркером *-эти*, в среднечепецком и верхнечепецком диалектах функционирует его фонетический вариант *-эт'и* (сч. нч. *вит'э-т'и*, вч. *вит'э-ти* 'пятый').

На современном этапе в северных диалектах, вследствие непосредственного контакта удмуртского и русского населения, удмуртские числительные начинают заменяться русскими числительными. Особенно часто русские числительные употребляются при обозначении времени, даты, возраста, денежных единиц, стоимости предмета, веса, температуры, площади, оценок учащихся и т. д. Используя русский счет, носители северных диалектов употребляют не только заимствованные числительные, но и вводят в свою речь целые конструкции, которые оформляются по модели русского языка. Это явление характерно для речи диалектоносителей всех возрастных групп.

Четвертый раздел «**Местоимение**» посвящен рассмотрению диалектной вариативности различных разрядов местоимений в северноудмуртском языковом континууме. Основные различия сводятся к их фонетическому оформлению, структурным и функциональным особенностям.

Система склонения **личных местоимений** в среднечепецком и нижнечепецком диалектах представлена 15 падежами, увеличение количества которых связано с наличием серии вторичных падежей с маркером *-н'-* (*мин'н'ам* 'к нам (домой)'). В верхнечепецких говорах аналогичные падежные формы отсутствуют. В номинативной форме личные местоимения северных диалектов не отличаются от соответствующих

местоимений других удмуртских диалектов, различия в бóльшей степени прослеживаются в парадигмах склонения как в ед., так и во мн. числе, которые сводятся к следующему: 1) датив личных местоимений 1-го и 2-го лица мн. числа во всех северных диалектах выражается без падежного форманта (*мил'эм* 'нам', *тил'эд* 'вам'); 2) формы аккузатива местоимений 1-го и 2-го лица мн. числа в исследуемых диалектах не проявляют единства. Для кезского и дебёсского (северный куст) говоров верхнечепецкого диалекта характерна тенденция к употреблению аккузативного показателя *-ды* (*мил'эмды* 'нас', *тил'эдды* 'вас'). В зуринском говоре, также в центральном и южном ареале распространения дебёсского говора наблюдается параллельное функционирование суффиксов *-ды* и *-дыс* (*мил'эмды* ~ *мил'эмдыс* 'нас', *тил'эдды* ~ *тил'эддыс* 'вас'). В ареале распространения среднечепецкого диалекта отмечается употребление аккузативных форм с аффиксами *-эсты*, *-эс*, *-ды*, *-дыс* (*мил'эмэсты* ~ *мил'эмэс* ~ *мил'эмды* ~ *мил'эмдыс* 'нас', *тил'эдды* ~ *тил'эддыс* 'вас'). В нижнечепецком диалекте выступает суффикс *-эс* (*мил'эмэс* 'нас', *тил'эдэс* 'вас'); 3) инструменталь от местоимений 1-го и 2-го лица ед. числа в североудмуртских диалектах имеет особенные формы, в которых падежный показатель осложнен притяжательным суффиксом (*монэным* '(со) мною', *тонэныд* '(с) тобою'); 4) в говорах среднечепецкого и нижнечепецкого диалектов инструментальные формы мн. числа личных местоимений 1-го и 2-го лица функционируют в формах *мил'эмэн* 'с нами', *тил'эдэн* 'с вами'. Для верхнечепецкого диалекта характерными являются формы *мил'эным(ы)*, *тил'эныд(ы)*, специфика которых заключается в ином расположении компонентов показателя инструменталя.

Основные особенности в функционировании **усилительно-личных местоимений** сводятся к следующему: 1) в диалектах северного наречия расхождения наблюдаются в фонетическом оформлении номинативных форм мн. числа: в среднечепецком диалекте бытуют формы *ачимэс* 'мы сами', *ачидэс* 'вы сами', *ачизэс* 'они сами', в нижнечепецком диалекте – вариативные формы *ачимэс* ~ *ачымэс*, *ачидэс* ~ *ачыдэс*, *ачизэс* ~ *ачызэс*. В говорах верхнечепецкого диалекта оформление соответствующих местоимений не представляет единства: в кезском говоре функционируют параллельные формы *асмэс* ~ *ас'мэс* ~ *ас'мэос*, *астэс* ~ *ас'тэс* ~ *ас'тэос*, *ассэс* ~ *ас'сэс* ~ *ас'сэос*, в дебёсском и зуринском говорах – формы *ас'мэос*, *ас'тэос*, *ас'сэос*; 2) среди диалектных форм аккузатива усиленно-личных местоимений 1-го, 2-го и 3-го лица ед. числа особенность представляют формы, бытующие в нижнечепецком диалекте, также в ярском и юкаменском говорах среднечепецкого диалекта: *аслымэ* 'меня самого', *аслыдэ* 'тебя самого', *аслызэ* 'его самого, ее саму'. В остальных

северных говорах, как и в большинстве удмуртских диалектов, указанные местоимения выступают в форме *асмэ*, *астэ*, *ассэ*; 3) аккузатив усиительно-личных местоимений мн. числа в североудмуртских диалектах представлен вариантными формами: в ареале среднечепецкого диалекта отмечаются формы *аслэмэс(ты)* ~ *ачимэсты* ‘нас самих; нас с вами’, *аслэдэс(ты)* ~ *ачидэсты* ‘вас самих’, *аслээс(ты)* ~ *ачизэсты* ‘их самих’, в говорах верхнечепецкого диалекта – формы *асмэсты* ~ *ас’мэды* ~ *ас’мэдыс* ‘нас самих; нас с вами’, *астэсты* ~ *ас’тэды* ~ *ас’тэдыс* ‘вас самих’, *ассэсты* ~ *ас’сэды* ~ *ас’сэдыс* ‘их самих’, в нижнечепецком диалекте – формы *аслэмэс* ‘нас самих; нас с вами’, *аслэдэс* ‘вас самих’, *аслээс* ‘их самих; 4) вариативные формы отмечаются в оформлении генитива мн. числа указанных местоимений: в верхнечепецких говорах функционируют формы *асмэлэн* ~ *аслам* ~ *асламылэн* ~ *ас’мэлэн* ‘у нас у самих’, *астэлэн* ~ *аслад* ~ *ас’тэлэн* ‘у вас у самих’, *ассэлэн* ~ *аслаз* ~ *ас’сэлэн* ‘у них у самих’, в среднечепецких говорах – формы *аслам(ы)лэн* ~ *аслам* ‘у нас у самих’, *аслад(ы)лэн* ~ *аслад* ‘у вас у самих’, *аслаз(ы)лэн* ~ *аслаз* ‘у них у самих’, в нижнечепецких говорах – формы *аслам* ‘у нас у самих’, *аслад* ‘у вас у самих’, *аслаз* ‘у них у самих’.

Состав **взаимно-личных местоимений** в исследуемых диалектах такой же, что и в литературном языке, различия обнаруживаются в основном в фонетическом оформлении некоторых из них (сч. вч. *ог-огмы* ~ *одиг-огмы*, нч.: сл. *ойиг-огмы*, кос. *одиг-огмы* ~ *ойиг-огмы* ~ *ог-огмы* ‘мы друг друга’). При словоизменении полных форм указанных местоимений падежный показатель присоединяется только ко второму компоненту. При склонении усеченных форм падежные форманты в аккузативе, генитиве, аблативе, дативе, каритиве, адвербиале могут наращиваться и к первому компоненту, при этом обе составные части местоимения принимают лично-притяжательные суффиксы. В среднечепецком и нижнечепецком диалектах взаимно-личные местоимения могут принимать также показатели приблизительно-местных падежей (сч. нч. *ог-огмын’э вэтском*, нч. *ойиг-огмын’э вэтском* ‘друг к другу (в дом) ходим’).

В разряде **счётно-личных местоимений** в северных диалектах незначительные расхождения фонетического характера наблюдаются в функционировании местоимений, образованных от усеченной формы числительного *ог-* ‘один’ (в нижнечепецком диалекте данное числительное выступает и в полной форме *ойиг*) и имеющих притяжательные суффиксы ед. и мн. числа. В нижнечепецком и среднечепецком диалектах в данной группе местоимений согласный *н* суффикса *-на-* смягчается, а в говорах верхнечепецкого диалекта, как и в большинстве удмуртских диалек-

тов, подобное явление не наблюдается (сч. *огн'ам*, нч. *огн'ам* ~ *ойигн'ам*, вч. *огнам* 'я один', сч. *огн'ад*, нч. *огн'ад* ~ *ойигн'ад*, вч. *огнад* 'ты один').

Спектр употребляемых в северных диалектах **обобщительно-личных местоимений** довольно узок, причем функционирование некоторых из них локально ограничено. В среднечепецком диалекте употребляются обобщительно-личные местоимения, образованные от основ определительных местоимений *вичак* 'все' и *ван'* (~ *уан'*) 'весь, все' посредством лично-притяжательных суффиксов (*вича·кмы* 'все мы', *ва·н'ды* ~ *уа·н'ды* 'все вы'). В ареале верхнечепецкого диалекта употребляемыми являются местоимения, образованные от местоимения *ван'* с помощью лично-притяжательных суффиксов (*ва·н'мы*, *ва·н'ды*, *ва·н'зы*), также от определительных местоимений *с'о* 'всё', *вэс'* 'всё', *чи·сто* 'весь, всё', *ван'* 'всё' с помощью собирательного суффикса *-на-* и лично-притяжательного маркера (*с'она·мы* 'все мы', *вэс'на·ды* 'все вы', *чистона·зы* 'все они', *ван'на·мы* 'все мы'). В нижнечепецком диалекте данный разряд представлен производными от определительного местоимения *вичак* (сл. кос.) и его фонетического варианта *вычак* (сл.) формами. Особенности представляют формы слободского говора, образованные, подобно счетно-личным местоимениям, присоединением к краткой основе *выч* (*вич*) собирательного суффикса *-на-* и лично-притяжательного суффикса (*вычна·мы* ~ *вична·мы* 'все мы').

Из дифференциальных черт в функционировании **притяжательных местоимений** следует отметить преимущественное употребление носителями среднечепецкого и нижнечепецкого диалектов слова *аслам* в значении 'мой, наш' на месте возможных местоимений *мынам* 'мой', *мил'ам* 'наш'.

В исследуемых диалектах в основном функционируют те же **указательные местоимения**, что и в большинстве удмуртских диалектов. Некоторые расхождения наблюдаются в фонетическом оформлении местоимения *сычэ*, который в северных диалектах представлен в следующих вариантах: сч.: яр. гл. юк. *сычэ* ~ *ычэ*, сч.: бал. вч. *сычэ*, нч.: кос. *очэ*, сл. *öчэ* ~ *очэ* ~ *ычэ*.

В диалектах северного ареала **неопределенные местоимения** образуются в основном с помощью приставки *оло-* и ее варианта *оо-* (сч. *оло·ма* ~ *олома·*, вч. *оло·ма* (*оо·ма*), нч. *оло·мар* (*оо·мар*) ~ *олома·р* (*оома·р*) 'неизвестно что').

В разряде **определительных местоимений** отличия наблюдаются в повсеместном и активном употреблении в речи диалектоносителей всех возрастных групп русских заимствований *с'а·кой* < рус. *всякий*, *л'убой* < рус. *любой*, *ка·ждой* (~ *ка·жной*) < рус. *каждый*.

Отрицательные местоимения образуются с помощью приставок *но-* (нч.: сл. *но-* ~ *нõ-*), *н'э-*, *н'эно-* (сч. вч. нч.: кос. *но·кин*, нч.: сл. *но·кин* ~ *нõ·кин* 'никто', сч. вч. *н'э·нокин* 'никто', нч. *н'э·кин* 'никто'). В среднечепецком и верхнечепецком диалектах из трех указанных препозитивных элементов широкое распространение получила приставка *но-*. В нижнечепецком диалекте более активным употреблением характеризуются местоимения с приставкой *н'э-*.

В разделе «**Глагол**» рассмотрены финитные и инфинитные формы глагола, особенности их функционирования. Морфология глагола северноудмуртских диалектов содержит яркие особенности в формообразовании.

Во всех исследуемых диалектах глаголы условного наклонения 2-го и 3-го лица ед. числа употребляются без личных показателей (*тон ужасал* 'ты бы работал').

Некоторая особенность северноудмуртских диалектов проявляется в выражении отрицательной формы глаголов условного наклонения. В среднечепецком и верхнечепецком диалектах она образуется при помощи неизменяемого вспомогательного глагола *õй*. В отличие от этого, в нижнечепецком диалекте отрицательный глагол выступает в спрягаемой форме *õй, õд, õз* (сч. вч. *õй у·жасал*, нч. *õд у·жасал* 'ты не работал(а) бы').

Своеобразие северноудмуртских диалектов обнаруживается в оформлении отрицательных форм опатива. В среднечепецком и верхнечепецком диалектах при изменении по лицам и числам ни основной глагол, ни частица *мэдам* не принимают лично-числовых показателей, тогда как в нижнечепецком диалекте лицо выражается формой частицы *мэдам* 'я пусть не, чтобы я не', *мэдад* 'ты пусть не, чтобы ты не', *мэдаз* 'он(а) пусть не, чтобы он(а) не', показатель же числа (ед. число -*ø* / мн. число -*лэ*) присоединяется к глагольной части (сч. вч. *мэдам йуа*, нч. *мэдад йуа* 'пусть ты не спросишь').

В системе личных форм глагола среднечепецкого и верхнечепецкого диалектов представлены стяженные формы настоящего времени с утратой *-ы-* основы инфинитива глаголов I спряжения (*йаратско* (< *йаратис'ко* < *йаратыс'ко*) 'люблю'). Данные формы употребляются в речи диалектоносителей всех возрастных групп, поэтому остаются устойчивыми диалектными различиями.

Для всех исследуемых диалектов характерно образование отрицательных форм перфекта аналитическим способом – сочетанием отрицательного слова *õвõл* 'не, нет' с формой основного глагола (*тон õвõл кылэм* 'ты не слышал, оказывается', *со õвõл ужам* 'он не работал, оказывается').

Наряду с общеудмуртскими формами возвратных глаголов в северных диалектах встречаются разнообразные диалектные модификации возвратного маркера *-с'к-* (*-с'к-* < *-чкы-*): (сч. нч. *вутскыны*, вч. *вутскын* (< *вуттис'кыны*) ‘успеть, успевать’, сч.: гл. *бачкыны* (< *бас'тис'кыны*) ‘покупаться’ (‘делать покупки’)).

Видовые формы глаголов в исследуемых диалектах образуются по общеудмуртским моделям. Отличия наблюдаются в продуктивности ряда моделей, в замене аффиксов. В среднечепецком и нижнечепецком диалектах наблюдается явление разграничения значений видов глагола за счет употребления одного и того же суффикса: в одном случае с одним *-л'л'а-*, в другом – с двойным *-л'л'а-* (*вэрал'л'аны* ‘говорить многократно и постоянно’, *вэрал'л'ал'л'аны* ‘говорить неоднократно и непостоянно (с перерывами)’).

Для среднечепецкого и верхнечепецкого диалектов характерен аналитический способ образования глаголов притворного действия: сочетанием основного глагола в форме утвердительного и отрицательного причастия на *-(э)м*, *-(э)мтэ* со вспомогательными глаголами *карыны* ‘делая’, *аналскыны* ‘притворяться’, *отстраняться*, *карыс'кыны* ‘делаться’, *становиться*’ (сч. вч. *вис'эм улэ аналскыны* ‘притвориться больным’). В нижнечепецком диалекте данная категория выражается синтетическим способом и оформляется суффиксами *-эмйас'к-*, *-мйас'к-* (нч. *ужамйас'кэ* ‘делает вид, что работает’).

Причастия и деепричастия в исследуемых диалектах не имеют широкого употребления. Диалектные различия наблюдаются в фонетическом оформлении отдельных суффиксов. Причастия настоящего времени от глаголов I спряжения во всех северных диалектах образуются при помощи показателя *-ыс'* (южн. *-ис'*) (*потыс'* ‘выходящий’). В речи диалектоносителей молодого поколения отмечается функционирование этих форм также в *-и*-овой огласовке (*потыс' ~ потис'* ‘выходящий’), употребление которых поддерживается литературным языком.

Из северных диалектных вариантов (*-ччоз'*, *-йёож* и *-тоз'*) общеудмуртского деепричастного суффикса *-тоз'* в среднечепецком и нижнечепецком диалектах функционирует формант *-ччоз'* (*кутскыччоз'* ‘до начала; до того как начать; пока начинаешь’), в ареале верхнечепецкого диалекта наблюдается употребление всех трех вариантов, локально ограниченных по своему распространению: в кезском говоре – *-йёож ~ -ччоз'*, в дебёсском и зуринском говорах – *йёож ~ -тоз'* (кез. *кутскыйёож ~ кутскыччоз'*, деб. зур. *кутскыйёож ~ кутскытоз'* ‘до начала; до того как начать; пока начинаешь’).

В северных диалектах различие наблюдается в фонетическом оформлении деепричастного суффикса с временным значением *-ку*:

в среднечепецком и верхнечепецком диалектах он выступает в варианте *-ку*, в нижнечепецком диалекте – в варианте *-кы* (сч. вч. *ужаку*, нч. *ужа-кы* ‘когда работаешь’).

В разделе «**Наречия**» подробно анализируются структурные типы, функционально-семантические разряды, степени сравнения и степени качества наречий. В системе определительных наречий особенностью среднечепецкого и верхнечепецкого диалектов является функционирование наречно-изобразительных слов с конечным *-ы*, которые не свойственны нижнечепецкому диалекту и остальным удмуртским диалектам (*жиззы вийаны* ‘течь тонкой струей’, *жуштырры ужаны* ‘работать потихоньку (не торопясь)’). Образование степеней сравнения и степеней качества наречий в исследуемых диалектах не проявляет отличий и сходно с образованием соответствующих форм прилагательных.

Специфика наречий северноудмуртских диалектов проявляется в наличии в их составе большого количества лексем, не характерных для многих удмуртских диалектов (сев. *ус’сэ* ‘послезавтра’; сч. нч. *кал’* ‘сейчас, теперь’; сев. *то·кма* (~ *токма·*) ‘зря, напрасно, попусту, бесполезно’; сч. *чэброс* ‘осторожно’ и др.).

В **Заключении** формулируются основные выводы в соответствии с задачами исследования и положениями, выносимыми на защиту, и намечаются перспективы дальнейшего изучения.

Формирование северноудмуртских диалектов происходило в течение длительного времени. В результате сложных исторических процессов заселения бассейна р. Чепцы сложился устойчивый языковой ареал из трех диалектов, которые составляют относительное единство в пределах своего распространения и противопоставлены другим удмуртским диалектам.

По языковым особенностям наиболее близки между собой среднечепецкий и нижнечепецкий диалекты. Наличие комплекса общих черт в указанных диалектах объясняется, прежде всего, общностью этногенетических и исторических процессов в регионе, также определенным влиянием на эти диалекты языка бесермян. Языковая специфика верхнечепецкого диалекта обусловлена переселением на территорию его распространения удмуртов из различных ареалов, что способствовало нейтрализации и выравниванию некоторых языковых особенностей и возникновению новых черт.

Исследование фонетических и морфологических признаков позволило провести более дробную классификацию внутри северноудмуртских диалектов. В соответствии с этим в верхнечепецком диалекте выделены 3 говора: кезский, дебёсский и зуринский, причем внутри дебёсского

говора вычленяются собственно дебёсский и тыловайский подговоры. Среднечепецкий диалект представлен 4 говорами: ярским, глазовским, юкаменским и бalezинским; в глазовском говоре различаются еще 2 подговора: кожильский и понинский. Нижнечепецкий диалект включает в себя 2 говора: слободской и косинский.

Результаты сравнительного анализа верхнечепецкого, среднечепецкого и нижнечепецкого диалектов позволили прийти к выводу, что они представляют собой отдельную макросистему со своим фонетическим составом, морфологическим строем и основным словарным фондом. Сочетание внутренних и внешних факторов развития диалектов северного наречия обусловило их специфику и своеобразие в удмуртском диалектном континууме.

Дальнейшие перспективы изучения диалектов севернoudмуртского наречия должны быть направлены на расширение источниковой базы, введение в научный оборот нового полевого материала с параллельным исследованием смежных с ними срединных говоров, что позволит более точно определить южные и юго-западные границы севернoudмуртского ареала. Следует продолжить изучение севернoudмуртского языкового пространства в лингвогеографическом, ареальном и социолингвистическом направлениях. Перспективными видятся междисциплинарные исследования в области диалектного языка и традиционной народной культуры, территориального языка и лингвокультурологии.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Монографии

1. *Карпова Л. Л.* Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка [Текст] / Л. [Л.] Карпова. – Тарту, 1997. – 224 с. (12 п. л.)
2. *Карпова Л. Л.* Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи / Л. Л. Карпова; РАН, УрО, Удм. ин-т истории, яз. и лит. – Ижевск, 2005. – 581 с. (29,93 п. л.)
3. *Карпова Л. Л.* Удмуртия: историко-культурное наследие [Электронный ресурс] / Соавт. Л. Е. Кириллова, И. М. Нуриева и др.: Электронная информационная база и интерактивная карта. – Электрон. дан. – Ижевск, 2012. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – № гос. регистрации 0321204053., 100 Мб.) (37,5 п. л.)

4. *Карпова Л. Л.* Лексика северного наречия удмуртского языка: Среднечепецкий диалект [Текст] / Л. Л. Карпова; РАН, УрО, Удм. ин-т истории, яз. и лит. – Ижевск, 2013. – 600 с. (34 п. л.)

**Публикации в ведущих рецензируемых научных изданиях,
рекомендуемых ВАК РФ**

5. *Карпова Л. Л.* О синтаксических особенностях северноудмуртских диалектов [Текст] / Л. Л. Карпова // Вестник Читинского университета. – № 6. – Чита, 2008. – С. 95–98. (0,33 п. л.)

6. *Карпова Л. Л.* Интенсификация качества прилагательных в удмуртском языке [Текст] / Л. Л. Карпова // Вестник Читинского университета. – Чита, 2009. – № 5. – С. 144–150. (0,52 п. л.)

7. *Карпова Л. Л.* Личные местоимения в северных диалектах удмуртского языка [Текст] / Л. Л. Карпова // Вестник Челябинского университета. – Челябинск, 2010. – Филология. Искусствоведение. Вып. 44. № 17 (198). – С. 32–39. (0,55 п. л.)

8. *Карпова Л. Л.* Особенности функционирования падежей в северных диалектах удмуртского языка [Текст] / Л. Л. Карпова // Вестник Красноярского университета. – Красноярск, 2011. – № 4. – С. 231–236. (0,52 п. л.)

9. *Карпова Л. Л.* О степенях качества прилагательных в северноудмуртских диалектах [Текст] / Л. Л. Карпова // Урало-алтайские исследования. – 2011. – № 1 (4). – С. 24–33. (0,95 п. л.)

10. *Карпова Л. Л.* Аналитические формы прошедшего времени в северных диалектах удмуртского языка [Текст] / Л. Л. Карпова // Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН. – 2014. – № 2 (18). – С. 95–100. (0,41 п. л.)

11. *Карпова Л. Л.* О словесной акцентуации в северных диалектах удмуртского языка [Текст] / Л. Л. Карпова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2014. – № 4 (34). – Ч. 1. – С. 103–105. (0,41 п. л.)

12. *Карпова Л. Л.* Система пространственных падежей в современном удмуртском языке: литературный язык vs диалекты [Текст] / Л. Л. Карпова, Н. В. Кондратьева // Финно-угорский мир. – № 3. – 2014. – С. 24–31. (0,52 п. л.)

13. *Карпова Л. Л.* Дебесские говоры в системе удмуртских говоров Верхней Чепцы [Текст] / Л. Л. Карпова // Вестник Удмуртского университета. – Ижевск, 2015. – Сер. 5: История и филология. Вып. 5. – С. 48–56. (1 п. л.)

14. *Карпова Л. Л.* Особенности порядка слов в удмуртской народно-разговорной речи (на материале северных диалектов) [Текст] / Л. Л. Карпова //

Вестник Удмуртского университета. – Ижевск, 2015. – Сер. 5: История и филология. Вып. 2. – С. 85–91. (0,8 п. л.)

15. *Карпова Л. Л.* Специфика словоизменения усилительно-личных местоимений в удмуртском языке (на материале северных диалектов) [Текст] / Л. Л. Карпова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2015. – № 1 (43). – Ч. 1. – С. 81–84. (0,51 п. л.)

16. *Карпова Л. Л.* Вопросы удмуртской диалектологии в трудах М. Г. Атаманова // Ежегодник финно-угорских исследований. – Ижевск, 2015. – Вып. 4. – С. 29–37. (0,65 п. л.)

17. *Карпова Л. Л.* Морфологические особенности имени существительного нижнечепецкого диалекта удмуртского языка [Текст] / Л. Л. Карпова // Вестник Удмуртского университета. – Ижевск, 2016. – Сер. 5: История и филология. Вып. 3. – С. 107–114. (0,82 п. л.)

18. *Карпова Л. Л.* Некоторые особенности фонетической синтагматики в нижнечепецком диалекте удмуртского языка [Текст] / Л. Л. Карпова // Ежегодник финно-угорских исследований. – Ижевск, 2016. – Т. 6. Вып. 2. – С. 17–36. (1,6 п. л.)

19. *Карпова Л. Л.* Морфологические маркеры нижнечепецкого диалекта удмуртского языка [Текст] / Л. Л. Карпова // Ежегодник финно-угорских исследований. – Ижевск, 2017. – Т. 11. Вып. 1. – С. 7–24. (1,1 п. л.)

20. *Карпова Л. Л.* О словесном ударении в нижнечепецком диалекте удмуртского языка [Текст] / Л. Л. Карпова // Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН. – 2017. – № 1 (29). – С. 96–101. (0,8 п. л.)

21. *Карпова Л. Л.* Функционирование усилительно-личных местоимений в нижнечепецком диалекте удмуртского языка [Текст] / Л. Л. Карпова // Вестник Удмуртского университета. – 2017. – № 5. – С. 805–810. (0,6 п. л.)

**Публикации в рецензируемых научных изданиях,
индексируемых в международной базе данных
SCOPUS**

22. *Карпова Л. Л.* Фонетические различия в северных диалектах удмуртского языка [Текст] / Л. Л. Карпова // *Linguistica Uralica*. – Tallinn, 2014. – Т. 50, № 3. – С. 189–198. (0,8 п. л.)

23. *Карпова Л. Л.* Морфологические различия в северных диалектах удмуртского языка [Текст] / Л. Л. Карпова // *Linguistica Uralica*. – Tallinn, 2016. – Т. 52, № 3. – С. 209–227. (1,5 п. л.)

Публикации в зарубежных изданиях

24. Карпова Л. Л. Phonetics and Morphology of the Central Cerea Dialect of Udmurt [Текст] / Л. Л. Карпова // Fenno-Ugristica 21 / University of Tartu. Division of Uralic Languages. – Tartu, 1997. – P. 15–16. (0,2 п. л.)

25. Карпова Л. [Л.] Бесермяно-удмуртское взаимовлияние (на материале среднечепецкого региона) [Текст] / Л. [Л.] Карпова // Linguistica Uralica. – 1998. – Т. 34, № 2. – С. 121–127. (0,82 п. л.)

26. Карпова Л. Л. Сложные формы прошедшего времени в среднечепецком диалекте удмуртского языка [Текст] / Л. Л. Карпова // Linguistica Uralica. – Tallinn, 1997. – Т. 33, № 1. – С. 32–40. (0,5 п. л.)

27. Karpova L. L. Konjunktionslose zusammen Sätze mit der Struktur vom ähnlichen Typ in der udmurtischen Umgangssprache [Текст] / Л. Л. Карпова // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum. 7.–13.8. 2000, Tartu. – Tartu, 2000. – Pars II. Linguistica. – S. 101–102. (0,13 п. л.)

28. Карпова Л. Л. Бессоюзные сложные предложения однотипной структуры в среднечепецком диалекте удмуртского языка [Текст] / Л. Л. Карпова // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum. Tartu, 7.–13.8. 2000. – Tartu, 2001. – Pars V. Dissertationes sectionum: Linguistica II. – С. 50–54. (0,43 п. л.)

29. Карпова Л. Л. О порядке слов в предложении в удмуртском народно-разговорном языке (на материале среднечепецкого региона) [Текст] / Л. Л. Карпова // Ünnepi kötet Honti László tiszteletére. – Budapest, 2003. – С. 243–247. (0,3 п. л.)

30. Карпова Л. Л. Особенности функционирования частиц в северно-удмуртских диалектах [Текст] / Л. Л. Карпова // Ünnepi írások Bereczki Gábor tiszteletére. – Urálistikai tanulmányok 19. – Budapest, 2008. – 353–360 old. (0,75 п. л.)

31. Карпова Л. Л. Удмуртско-бесермянские языковые параллели [Текст] / Л. Л. Карпова // Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum. Piliscsaba, 9–14. VIII. 2010. – Piliscsaba, 2010. – Pars II. Summaria acroasium in sectionibus. – С. 111–112. (0,1 п. л.)

Публикации в других изданиях

32. Карпова Л. Л. Лексико-семантическая характеристика микро-топонимов среднечепецкого региона [Текст] / Л. Л. Карпова // Пермистика 6: Проблема синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов: сб. статей. – Ижевск, 2000. – С. 49–72. (1,4 п. л.)

33. Карпова Л. Л. О синтаксических явлениях в среднечепецком диалекте удмуртского языка [Текст] / Л. Л. Карпова // Вордском кыл. – Ижевск, 2002. – № 2. – С. 46–51. (0,43 п. л.)

34. *Карпова Л. Л.* Удмурт вераськетъёсья бадӟым уж [Текст] / Л. Л. Карпова, Л. Л. Кириллова // Кенеш. – Ижевск, 2002. – № 7. – С. 95–96. (0,2 п. л.)

35. *Карпова Л. Л.* Отличительные явления в фонетике североудмуртских говоров [Текст] / Л. Л. Карпова // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: сб. ст. – Сыктывкар, 2005. – С. 106–108. (0,3 п. л.)

36. *Карпова Л. Л.* Степени качества имен прилагательных в среднечепецких говорах (в контексте североудмуртских диалектов) [Текст] / Л. Л. Карпова // I Межрегиональная конференция «Русский Север и восточные финно-угры: проблемы пространственно-временного фольклорного диалога». 23–26 октября 2005 г., Ижевск. – Ижевск, 2005. – С. 334–339. (0,4 п. л.)

37. *Карпова Л. Л.* Особенности служебных частей речи среднечепецких говоров (в контексте североудмуртских диалектов) [Текст] / Л. Л. Карпова // Пермистика XI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. ст. – Пермь, 2006. – С. 170–17. (0,47 п. л.)

38. *Карпова Л. Л.* Отличительные явления в морфологии североудмуртских диалектов [Текст] / Л. Л. Карпова // Материалы X Международного конгресса финно-угроведов. 15.08–21.08.2005, Йошкар-Ола. – Йошкар-Ола, 2005. – Лингвистика. Ч. IV. – С. 448–456. (0,58 п. л.)

39. *Карпова Л. Л.* О диалектном членении удмуртского языка / Л. Л. Карпова // Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 2008. – С. 865–868. (0,4 п. л.)

40. *Карпова Л. Л.* Кезские говоры в системе североудмуртских диалектов [Текст] / Л. Л. Карпова // Динамика структур финно-угорских языков: сб. науч. ст. на материалах Всерос. финно-угор. языковед. конф., посвящ. юбилеям двух видных коми финно-угроведов, 70-летию проф. Е. А. Игушева и 60-летию председателя Комитета финно-угроведов РФ А. Н. Ракина (11–12 нояб. 2009 г., г. Сыктывкар). – Сыктывкар: ООО «Изд-во «Кола», 2011. – С. 97–106. (0,52 п. л.)

41. *Карпова Л. Л.* О диалектных особенностях рукописной грамматики М. Могилина [Текст] / Л. Л. Карпова // Третьи Флоровские чтения: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию удм. поэта Флора Ивановича Васильева (18–19 февр. 2009 г., Глазов). – Глазов, 2009. – С. 124–129. (0,57 п. л.)

42. *Карпова Л. Л.* Онимы в географических названиях бассейна средней Чепцы [Текст] / Л. Л. Карпова // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 8–12 сент. 2009 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. – С. 115–116. (0,2 п. л.)

43. *Карпова Л. Л.* Особенности гыинского говора в контексте северноудмуртских диалектов [Текст] / Л. Л. Карпова // Чувашский язык и современные проблемы алтаистики: сб. материалов Междунар. науч. конф. «Чувашский язык и современные проблемы алтаистики», посвящ. 90-летию со дня рождения М. Р. Федотова и 60-летию со дня рождения Н. И. Егорова (Чебоксары, 27–28 февр. 2009 г.): в 2-х ч. – Чебоксары, 2009. – Ч. 1. – С. 215–218. (0,3 п. л.)

44. *Карпова Л. Л.* О структуре слога и слова в удмуртском языке [Текст] / Л. Л. Карпова // Вестник Удмуртского университета. – Ижевск, 2009. – Сер. 5: История и филология. Вып. 1. – С. 55–72. (1,1 п. л.)

45. *Карпова Л. Л.* Северноудмуртские диалектные особенности в первых переводных Евангелиях (на глазовском наречии) [Текст] / Л. Л. Карпова // Финно-угры – славяне – тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новации): сб. материалов Всерос. науч. конф. (15–16 дек. 2009 г., Ижевск). – Ижевск, 2009. – С. 436–443. (0,52 п. л.)

46. *Карпова Л. Л.* Удмурт литература кыллэн но вераськетъёслэн ку-сыпъёссы (М. Г. Атамановен берыктэм Евангелиосъя) / Л. Л. Карпова // Этногенез удмуртского народа. Этнос. Язык. Культура. Религия: сб. ст. и материалов Междунар. науч. конф., посвящ. 65-летию д-ра филол. наук, ученого-филолога, авт. эпоса «Тангыра», переводчика Библии на удм. яз., члена Союза писателей России Атаманова Михаила Гавриловича. – Ижевск: Удм. ун-т, 2011. – С. 96–103. (0,5 п. л.)

47. *Карпова Л. Л.* Современное состояние и перспективы исследования северноудмуртских диалектов / Л. Л. Карпова // Пермистика 13: Вопросы пермского языкознания: сб. ст. на материалах XIII Междунар. симп. «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (20–21 окт. 2010 г., г. Сыктывкар). – Сыктывкар, 2012. – С. 76–88. (1,1 п. л.)

48. *Карпова Л. Л.* Северноудмуртские диалектные особенности в грамматиках Г. Е. Верещагина // Г. Е. Верещагин, традиционная культура и просветительство народов Урало-Поволжья: сб. ст. – Ижевск, 2014. – С. 73–79. (0,35 п. л.)

49. *Карпова Л. Л.* О фонетических особенностях нижнечепецких говоров удмуртского языка [Текст] / Л. Л. Карпова // Коми-пермяцкий язык и культура: Прошлое, настоящее, будущее: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Пермь, 2015. – С. 43–48. (0,3 п. л.)

50. *Карпова Л. Л.* Фонетические особенности дебесских говоров удмуртского языка [Текст] / Л. Л. Карпова // Пермистика 15: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. ст. – Ижевск, 2015. – С. 140–147. (0,52 п. л.)

Сокращения

бал. — бalezинский говор среднечепецкого диалекта удмуртского языка

вч. — верхнечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка

гл. — глазовский говор среднечепецкого диалекта удмуртского языка

деб. — дебёсский говор верхнечепецкого диалекта удмуртского языка

зур. — зуринский говор верхнечепецкого диалекта удмуртского языка

кез. — кезский говор верхнечепецкого диалекта удмуртского языка

кож. — кожильский подговор глазовского говора среднечепецкого диалекта

кос. — косинский говор нижнечепецкого диалекта удмуртского языка

нч. — нижнечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка

пон. — понинский подговор глазовского говора среднечепецкого диалекта

рус. — русский язык

сев. — северное наречие удмуртского языка

сл. — слободской говор нижнечепецкого диалекта удмуртского языка

сч. — среднечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка

ун. — унинский подговор косинского говора нижнечепецкого диалекта

